

И. Ю. КОБЗЕВ

ПОСЛЕДНИЙ ПЛАТОН

(Шпионская история)

České Budějovice

2017

*Посвящаю роман Александру Секацкому
И.К.*

*«Вымысел не есть обман...»
(Булат Окуджава)*

Глава первая: Флоренция, май 1439 года.

1

Георгий Гемист Плифон Малатест

В дорогом синем с золотом плаще, семенящей старческой походкой, майским полднем 1439 года на залитую солнцем площадь Синьории вышел из боковой улочки греческий философ Георгий Гемист Малатест, больше известный под именем «Плифон», которое он принял еще в молодости из созвучия с именем великого Платона. В среде европейских философов его называли «Последним Платоном». Это был еще крепкий старик с лицом, утонченным мыслью и отшлифованным временем подобно темному полированному дереву. В Греции таких стариков называют «кала герон» - прекрасный старец. И если правда, что в старости человек становится похож на самого себя, то Плифон был задуман Создателем как достойный Бога образ человека. Ему было почти восемьдесят лет, но по его походке и осанке ему невозможно было дать больше шестидесяти.

Он спешил. Спешил на встречу со своим бывшим учеником, а ныне изощренным врагом православия и империи, как считали патриарх Иосиф и император Иоанн. Они и уговорили Плифона на эту встречу как последнюю попытку повлиять на этого отступника, Виссариона Никейского, который два года назад был главным идеологом православной делегации на Соборе в Ферраре, а ныне, во Флоренции стал главным идеологом католической стороны. Плифон не сразу согласился на эту встречу, но потом подумал, что может быть Виссарион не чужой, а свой среди чужих, которые для него стали своими. Понять это можно было только при личной встрече. Поэтому он и пригласил Виссариона на это свидание в кабачке недалеко от Понте Веккьо. Сейчас он напряженно думал о том, как начать беседу и какие аргументы могут оказаться весомыми для его оппонента.

Плифон шел быстро, глядя себе под ноги и ничего не замечая по сторонам. Майское солнце грело уже по-летнему, воздух был напоен ароматом цветущих фруктовых деревьев за стеной города. Небо над площадью резкими зигзагами чертили ласточки. Вдруг их пронзительный писк утонул в звуках колокола с Кампанилы Джотто, который начал отбивать полдень. Плифон поднял голову и оглянулся по сторонам. Его внимание привлек человек с большой черной бородой в странном чужеземном кафтане, который стоял на углу у Палаццо Веккьо с лотком на шее и что-то продавал. Вокруг него собралось несколько молодых флорентиек, которые поминутно смеялись, слушая то, что он им говорил. Это был призывный смех молодых женщин – вот что привлекло внимание старого философа! Колокол говорил о том, что он уже опаздывает на назначенную встречу, а женский смех говорил о том, что встреча может подождать. «В самом деле, - подумал Плифон, - что там так привлекло внимание женщин?» И он направился к Палаццо Веккьо.

Подойдя поближе, он внимательнее разглядел продавца. Несмотря на большую бороду это был молодой человек, горбоносый, смуглый, белозубый с большой золотой серьгой в ухе. «Так должен выглядеть разбойник, а не уличный торговец», - подумал Плифон. Глаза «разбойника» лукаво шурились, когда он говорил с женщинами. Он довольно бойко говорил по-тоскански, но с сильным варварским акцентом. «Да это же москвит! – догадался Плифон, - Ну да, и кафтан у него такой же. А чем это он тут торгует?» На лотке у него стояло несколько деревянных кукол, сделанных довольно грубо и похожих скорее на маленькие бочонки. Заметив интерес старика к его товару, «разбойник» взял в руки одну из фигурок, что-то сделал с ней и она разделилась на две части, а внутри у нее обнаружилась еще одна такая же фигурка, но меньшего размера.

- Прего! – весело сказал «разбойник». Потом он взял эту меньшую фигурку и тоже

разделил ее на две части, и внутри у нее оказалась совсем маленькая фигурка, которую

уже нельзя было разделить на две.

- Прего! – повторил продавец.

- Как называется эта кукла? – спросил философ.

- Матрешка, почтенный синьор!

- Матрошка, - повторил Плифон и задумался.

- Купите, почтенный синьор, прекрасный подарок для внучки! Недорого, всего пятнадцать сольдо! – заторопился продавец, складывая при этом фигурки обратно в большую матрешку. Лицо старика вдруг озарила улыбка - ему в голову пришла неожиданная мысль, и он сразу, не торгуясь, стал отсчитывать деньги. «Разбойник» рассыпался в благодарностях и благих пожеланиях покупателю. Плифон положил матрешку в карман и, уже ни на что не отвлекаясь, быстрым шагом двинулся через площадь в сторону моста Понте Веккьо.

Плифон опоздал всего на четверть часа. Спустившись по стертым ступеням в полуподвал, где размещался кабачок, он сразу увидел Виссариона в углу под маленьким

оконцем. Был полдень и народу в кабачке было много, но хозяин внимательно следил за тем, чтобы такого важного гостя никто не тревожил. Он не уставал ежедневно возносить благодарственные молитвы Господу за то, что тот наслал чуму на Феррару и Вселенский Собор перебрался во Флоренцию, благодаря чему доходы его заведения удвоились. Каждый гость в сутане или рясе означал щедрые чаевые. Поэтому как только хозяин увидел вошедшего и подслеповато озирающегося после яркого солнца Плифона, он сразу подскочил к нему и с поклоном проводил к столу Виссариона. Виссарион встал ему навстречу и трижды по-православному облобызал старика.

- Здравствуй, Виссарион!

- Здравствуй, Плифон!

- Что будешь пить?

- А ты что пьешь?

- Местное вино – оно здесь неплохое,

- Ну и мне налей стаканчик.

Виссарион налил старику вина из кувшина. Тот поднял свой стакан:

- Будь здоров, Виссарион!

- И твое здоровье, Плифон! Или Плетон, как ты себя предпочитаешь называть здесь?

- А что, есть какая-то разница?

- Представь себе, что есть. Я как-то на днях разговаривал с секретарем папской курии Николаем Кузанским, ты должен его хорошо знать. Так вот, он в разговоре упомянул о своих беседах с Плетоном в Константинополе. А папа случайно услышал это имя и удивился: «Я полагал, что Платон умер еще в древности». На что Николай ответил: «Что Вы, Ваше Святейшество, Плетон умрет только вместе с греческой империей».

Папа понял свою ошибку и поспешил обратить ее в шутку: «Платон – Плотин – Плетон! Как вы отличаете их друг от друга?». На что Николай сказал: «Ваше Святейшество, они сами не отличают себя друг от друга»,

- Хороший анекдот. Жизненный. Я как раз и пришел поговорить с тобой о реальности смерти греческой империи. И о значении унии для этого. Это поручение императора Иоанна и патриарха Иосифа...

- ... Извини, Плифон, что перебиваю тебя, но я готов разговаривать только с Плифоном, который говорит от имени Плифона, ну или в крайнем случае от имени Платона.

- Ну что ж, я так и предполагал... Тогда ответь мне, Виссарион, где ты настоящий?

С этими словами он достал из-за пазухи матрешку и поставил ее на стол перед Виссарионом

- Что это?

- Это называется «матрешка», - ответил Плифон, открывая последовательно одну за другой наружную и внутреннюю фигурки и выставляя их рядом друг с другом на столе, - я купил ее по пути сюда у бородатого москвитя довольно дикой внешности. Но фигурка эта показалась мне весьма многозначительной,

- Чем же она привлекла твое внимание?

- Тем, что она изображает всех нас,

- Кого нас?

- А всех, кто участвует в этом Соборе. Вот эта внешняя матрешка изображает то, чем мы хотим казаться нашим партнерам. Вот эта средняя матрешка – это то, что мы на самом деле думаем о своей позиции.

- А эта? – спросил Виссарион, подняв самую маленькую фигурку.

- А это то, что мы есть на самом деле.

Виссарион улыбнулся:

- А знаешь, Плифон, ведь эта матрешка у нас с тобой одна и та же.

- Что ты имеешь в виду?

- Платона, конечно. В самой своей глубине я, как и ты, платоник. А различие между нами состоит только в том, что наружная матрошка у меня католическая, а у тебя - православная.

- Ну а что же средняя матрошка? – Плифон покрутил ее в руках, - как именно ты собираешься использовать твоё католичество на самом деле?

- Тебе скажу, потому что считаю тебя своим учителем. Я знаю, что Марк Эфесский называет меня предателем и что патриарх и император разделяют эту точку зрения. Но меня их мнение больше не интересует. А вот твоим мнением, Плифон, я дорожу по-прежнему.

- Спасибо, Виссарион. Я всегда ценил твой ум и я догадываюсь, что если ты принял решение поддержать папу, то для этого у тебя были веские причины, а не просто желание сделать карьеру при понтифике.

- Теперь я скажу: «Спасибо, Плифон». Ты прав – мое решение было продиктовано трезвым анализом политической ситуации в империи и около нее. Если я принял сторону папы, то вина за это целиком лежит на императоре Иоанне. Он так и не понял, что нужно все средства империи вложить в создание новой артиллерии, вплоть до переплавки колоколов на пушки. Его ничему не научил прорыв турок на Пелопонес через якобы неприступную стену Гексамилон, которую возводили всем миром столько лет, вложив в этот проект кучу денег. Ни он, ни его стратеги не понимают, что времена изменились, что теперь главная сила войска это пушки, что стены без пушек в нашу эпоху уже ничего не значат. А турецкий султан это понимает и вкладывает все деньги, которыми его щедро осыпают венецианцы, в артиллерию. Ее создают ему те же венецианцы и мадьяры, которые пока не понимают, что они возвращают собственного могильщика – ненависть к империи ромеев слишком их ослепляет. Они еще будут веками разгребать последствия своей близорукости, но сейчас речь не о них, а о Константинополе. Турки пробьют стены вечного города своими пушками так же, как они пробили ваш Гексамилон. Империя обречена, а император тратит все деньги на оплату венецианских наемников, вместо того чтобы создавать новую артиллерию. Неужели не понятно, что венецианцы не будут защищать Константинополь от османов? Воистину кого Бог хочет покарать, того он лишает разума. Разве не ты сам, Плифон, писал еще императору Мануилу Второму о необходимости срочных реформ для финансирования народной армии. Где эта твоя книга? – сожжена по распоряжению патриарха как еретическая. И это было двадцать лет назад! А теперь уже поздно, теперь Константинополь обречен. И я не вижу иной возможности противостоять османам, кроме крестового похода всех государей Европы. А крестовый поход может объявить только папа. А папа его не объявит пока патриарх и император не примут все его условия. Именно все – он хочет дожать императора. И ситуация такова, что нужно принять все условия папы. Потому что крестовый поход для судьбы ромейской империи важнее всех теоретических и богословских расхождений между католиками и православными.

Виссарион замолчал и сделал глоток из своего стакана. Плифон продолжал смотреть на маленькую матрешку, чуть улыбаясь в бороду. Потом он поднял глаза на Виссариона и ласково улыбнулся ему:

- Все что ты сказал, верно. Увы, это горькая правда. И я не вижу выхода из этой ситуации. В отличии от тебя, Виссарион. Потому что я, в отличии от тебя, вижу уязвимость твоей позиции.

- В чем же она по-твоему состоит?

- Понимаешь, все мы шпионы в этом мире, - именно так можно понимать представление Плотина о заброшенности души в наш грешный мир из мира чистых эйдосов. И все мы заброшены в этот мир со своей миссией и со своей легендой. Не

каждому дано распознать эту свою личную истину, - Плифон показал на маленькую матрешку, - сквозь плотный покров одежд, определяющих человеческий удел - имя, родину, биографию и так далее, - и он показал на среднюю матрешку, - Но вот однажды избранник находит в себе силы и мужество сбросить эти одежды, выпутавшись из связки, которая для простого смертного завязана мертвым узлом. Такой человек вступает в пространство свободы. Его настоящей родиной становится не какое-то конкретное отечество людей, а далекий мир эйдосов Платона.

- Да, да Плифон, ты очень точно описал то, что я чувствовал. Но я не мог этого так ясно выразить, как ты, - явно волнуясь, перебил его Виссарион.

- Но, - продолжал Плифон, - именно теперь, когда ты только прикидываешься своим среди чужих, держа фигу в кармане, именно теперь мир и ловит тебя.

- Каким же образом?

- Понимаешь, чужие убеждения, если они в течение какого-то времени высказываются «от первого лица», обладают тем свойством, что ничего не подозревающий их носитель против своей воли начинает разделять их, - и Плифон показал на внешнюю матрешку, - эта матрешка прирастает к телу твоего «Я».

- По-твоему это неизбежно?

- Увы, мой друг.

Виссарион медленно сложил матрешки одну в другую и поставил ее перед собой на стол:

- Шпион внутри шпиона, а в нем сидит шпион?

- Согласись, что это невыносимо в перспективе всей жизни, и мало кто способен выдержать эту ситуацию.

- А ты способен? – Виссарион быстро взглянул на Плифона. Тот усмехнулся:

- Я способен. Потому что я философ. А философ это и есть природный шпион, засланный в этот мир из мира эйдосов, как это понимали еще Плотин и Ямвлих. Знаешь почему, в отличие от других членов православной делегации, я так спокойно отношусь к твоей позиции и вообще к перспективе унии с католиками?

- Почему?

- А вот почему, - и он снова взял матрешку со стола и разобрал ее на отдельные фигурки, - Потому что католическо, - он указал на внешнюю матрешку, - поглотив православие, - он поднял вторую матрешку, - на самом деле примет в себя платонизм, не подозревая об этом, - он показал на самую маленькую внутреннюю матрешку, - Ну а для этого, я думаю, не только я, но и ты, Виссарион, согласен потрудиться. Ведь так?

- Так, учитель.

Виссарион помолчал:

- Подари мне эту матрешку, Плифон. Она будет напоминать мне об этом разговоре и может быть поможет остаться «шпионом» и не превратиться в своего среди чужих.

- На, владей и помни о своей истинной родине.

- Благодарю тебя, учитель! – в глазах Виссариона блеснули слезы, но он быстро справился с нахлынувшим чувством и нарочито по-деловому спросил Плифона:

- Будешь ли ты присутствовать в субботу у Козимо Медичи на коллоквиуме о Платоне?

- В субботу? Я ничего об этом не знаю – он меня не приглашал.

- Ну так я тебя приглашаю, а я там буду главным докладчиком.

- Не знаю, удобно ли это?

- Удобно, удобно – не сомневайся. Я думаю, что до субботы ты еще получишь приглашение от Козимо. Да и как говорить о Платоне без Плетона – это все равно что рассуждать о вкусе вина, не имея возможности его попробовать, - Виссарион поднял свой стакан, - твое здоровье, Плифон!

Плифон тоже поднял стакан и отпил глоток:

- Спасибо, Виссарион. Что ж, я тоже прийду на это собрание.

- Я рад, что там мы с тобой встретимся не как члены враждебных делегаций на переговорах, а как члены одной вечной Платоновской академии.

- Поднимем наши стаканы за ее основателя – божественного Платона!

Они выпили и закусили маслинами и сыром, которые за это время успел незаметно поставить на стол предупредительный хозяин. После обеда Плифон стал прощаться, надеясь про себя, что на обратном пути он еще застанет бородатого московита с матрешками на том же месте – он вдруг подумал, что матрешка будет ему совершенно необходима как наглядное пособие на коллоквиуме у Медичи. Они с Виссарионом снова трижды облобызались на прощание. Плифон вышел из подвала на свежий воздух, на мгновение ослепнув от яркого солнца. Он набрал полную грудь весенних запахов и зашагал по направлению к Палаццо Веккьо.

Он угадал – московит все еще стоял на том же месте со своим лотком. Увидев подошедшего Плифона он осклабился белозубой улыбкой и торопливо заговорил:

- О, мое почтение синьор! Ну как, понравилась моя матрешка вашей внучке?

Плифон усмехнулся в бороду, вспомнив Виссариона и ответил:

- Не внучке, а внуку. И очень понравилась! А теперь я хочу купить еще одну уже для себя.

Улыбка на лице продавца матрешек застыла на мгновение. Он подумал: «А старик-то того, с приветом. Ну что ж, как говорит наш поп во время обедни: «Блаженны нищие духом»» И тут же возобновил улыбку на лице:

- Прего, почтенный синьор.

На этот раз Плифон не отказал себе в удовольствии поторговаться с продавцом и добился скидки в пять сольдо. Положив матрешку в карман, старик продолжил свой путь через площадь уже не спеша, с удовольствием грея спину на солнце и следя глазами за резкими маневрами ласточек на фоне небесной лазури.

папа Евгений IV

Папа Евгений Четвертый считал себя аскетом потому что жил не в Риме, а во Флоренции под крылом Козимо Медичи, который предоставил в распоряжение папы свой неистощимый кошелек. Резиденция папы находилась в одном из дворцов

великолепного Козимо. Здесь, вдали от ненавистного ему Рима, пропитанного малярией и заговорами аристократов, на деньги которых римская чернь всегда была готова к бунту, папа жил вполне комфортно. Здесь ничто не мешало ему чувствовать себя аскетом. И строить планы. А планы у него были грандиозные, и в их продвижении он опирался на молодых «еретиков» - интеллектуалов-платоников, которых он искусно приближал к себе и запрягал в общую лямку политики Святого Престола. Так было с Николаем Кузанским, который на Базельском Соборе резко выступал против власти папы, а теперь он секретарь папской курии, без пяти минут кардинал и верная опора папы в политике. Папа Евгений знал, что опираться можно только на то, что оказывает сопротивление, поэтому и закрывал глаза на философские увлечения Николая и Виссариона. И это приносило свои плоды. Так Виссарион, приехав на Собор в Феррару одним из ведущих идеологов православной делегации, теперь, два года спустя, во Флоренции является главным автором католического проекта Унии. И тоже без пяти минут кардинал. «Я сделаю их кардиналами и отправлю туда, где делается реальная политика Европы, - строил планы папа Евгений, - Николая в Германию архиепископом, пусть присматривает за немецкими князьями, которые грызутся за освободившийся императорский трон. А Виссариона в Польшу – пусть организует короля Владислава на крестовый поход против турок. Французского короля мне сейчас вряд ли удастся отправить в крестовый поход, а германские рыцари не пойдут в поход пока не пройдут выборы императора. А вот Владислав пойдет на турок, надеюсь заручиться моим покровительством и перестать наконец быть вассалом германского императора. Пусть надеется. А когда он разобьет турок, я поставлю Виссариона патриархом в Константинополе, чтобы он приглядывал за греческим императором. И таким образом оба императора будут у меня под колпаком. Вот так, мои молодые друзья, у вас еще будет время убедиться в том, что ваш Платон может мечтать о чем угодно, а реально происходить в этом мире будет то, чего хочет наместник святого Петра». Папа довольно усмехнулся, посмотрел в окно, за которым уже начали сгущаться сумерки, и стал разбирать бумаги, которые накопились на его рабочем столе за день. В это время в дверь проскользнул его личный секретарь:

- Ваше святейшество, пришел Виссарион.

- Пусть войдет, - и папа демонстративно склонился над бумагами. Вошедший Виссарион бисто подошел к папе, поклонился и поцеловал перстень рыбака на его руке.

Папа поднял голову, внимательно посмотрел ему в глаза и сходу огорошил его вопросом:

- О чем ты сегодня говорил с Плетоном?

Виссарион попытался не показать своего удивления, но папа заметил его усилие, а он заметил, что папа это заметил и решил играть в искренность. Он тоже посмотрел папе в глаза и ответил:

- Конечно о заключительном документе Собора.

- Плетона на эту встречу послал император?

- Нет, Плетон сам хотел обсудить со мной проблему «Filioque». Он нашел интересный образ, который по его мнению позволяет сблизить наши позиции в этом вопросе.

- Этот образ та фигурка, которую вы с ним разбирали и собирали?

Виссарион изобразил на лице что-то вроде искреннего возмущения:

- Ваше святейшество! Вы шпионите за мной? Вы мне не доверяете?

- В наше время никому нельзя доверять, сын мой, даже себе, - папа сделал паузу и улыбнулся такой простодушной улыбкой, что Виссариону стало страшно, - Мне доверять можно, потому что больше доверять просто некому. Да, я шпиону за тобой. А что тебя так поражает? Это у королей есть армии, а у папы из оружия только слово... в

том числе и слово, неосторожно сказанное королями без свидетелей. А папа должен знать это слово, чтобы управлять королями. Поэтому вместо армии воинов папа содержит армию шпионов. Поверь, сын мой, это значительно дешевле и гораздо эффективней всех этих латников и рыцарей. Что касается нынешнего Собора, то я слишком много в него вложил средств и сил, чтобы пустить его на самотек, поэтому и только поэтому, сын мой, я стараюсь избежать случайностей и внимательно слежу за чужими словами. Итак, я задал вопрос: фигурка, которую вы с Плетоном рассматривали – это образ «Filioque»?

- Да, ваше святейшество. Вот эта фигурка, - он вынул из кармана матрешку и протянул ее папе. Папа покрутил ее в руках и попытался открыть, но у него ничего не получилось. Виссарион с поклоном взял ее в свои руки и разобрал на глазах у папы. Папа вопросительно посмотрел на Виссариона:

- Ну, и где здесь «Filioque»?

- Извольте видеть, ваше святейшество, внешняя фигурка как бы порождает из себя обе внутренние фигурки, но при этом и вторая внутренняя фигурка как бы порождает самую маленькую фигурку...

- ... понял, понял! – перебил его папа, - это и есть Святой Дух, порождаемый Отцом и Сыном! Замечательно! И очень наглядно. Этот предмет может оказаться важным аргументом в наших теологических спорах с Константинополем. Где ты его взял?

- Мне подарил его Плетон. А он купил его сегодня утром у какого-то дикого москвиты возле Палаццо Веккьо. Москвит называл фигурку «Матрошка».

- Москвит? Удивительно... Всего пять лет назад я впервые написал москвитскому князю Василию, имея в виду, что может быть когда-нибудь в отдаленном будущем это принесет какую-нибудь пользу Святому престолу. И вот польза уже появляется с совершенно неожиданной стороны. Это явно Божий промысел! – папа осенил себя крестным знаменем. Виссарион последовал его примеру. Затуманившейся было взор папы вдруг стал снова деловым и он спросил:

- О чем еще вы говорили с Плетоном?

- Я пригласил его на коллоквиум о Платоне, который устраивает Козимо Медичи вместе с учеными мужами из Падуанского университета. Я буду там выступать по просьбе Козимо.

- Да, да, нужно уважить просьбу этого верного сына нашей церкви, щедрость которого не знает границ. Если бы не он, мы не смогли бы завершить наш Собор, – казна Святого престола, увы, пуста. И что же Плетон, он будет на коллоквиуме?

- Да, ваше святейшество. Как можно говорить о Платоне без самого последнего Платона, как величают философы этого мудреца.

- И ты согласен с такой его оценкой?

- Совершенно согласен, ведь я его ученик.

- Ну, хорошо. Желаю успеха вашему коллоквиуму... Да, Виссарион, почему бы тебе не пригласить на него и секретаря папской курии Николая Кузанского?

Виссарион несколько опешил от неожиданности, но не подал виду:

- Но я не далее как час назад разговаривал с ним об этом коллоквиуме, и он не выразил желания в нем участвовать.

Папа снова изобразил на лице ту самую простодушную улыбку, от которой Виссариону делалось не по себе, и сказал:

- Он просто еще не знал, что хочет в нем участвовать. А я это уже знаю, сын мой.

Ступай с Богом! – папа протянул ему руку с перстнем, который тот с поклоном поцеловал.

Выйдя из кабинета папы, Виссарион подумал: «Вот как! Оказывается, когда разговариваешь с секретарем папской курии, одновременно разговариваешь с самим

папой. Тоже шпион, и это не удивительно. И даже не так важно. Важно какой шпион сидит внутри этого шпиона – надеюсь, что тот же самый, что и внутри меня самого». И он с удовольствием нащупал в кармане подарок Плифона.

Когда Виссарион вышел, папа позвонил в колокольчик и приказал появившемуся на его зов секретарю:

- Джованни! Завтра же пойдя к Палаццо Веккьо, найди там москoviта, который торгует деревянными фигурками называемыми «матрошка», и купи для меня одну. Нет – две. И за любую цену! Ясно?

- Слушаюсь, ваше святейшество, - поклонился секретарь, привыкший ничему не удивляться на своей службе.

3

Козимо Медичи

Козимо Медичи был богат. И не просто богат, а фантастически богат – в Европе не было человека богаче Козимо Великолепного. Ему оказывали честь и папа и Германский император тем, что брали у него в долг. А он охотно ссужал их деньгами, потому что надеялся, что когда-нибудь они помогут осуществить его мечту. Да, он мечтал. Этого богача и любимца фортуны томила одна мечта – стать герцогом. Потому что, несмотря на богатство, между ним и ими всегда оставалась пропасть. Они – это короли и герцоги, а он – всего лишь банкир. Они там, а он – здесь в общей толпе всех этих суконщиков, кузнецов, менял, ювелиров и прочей черни, которая носит гордое имя «народа Флоренции». И ведь что интересно: ни папа, ни император не имели ничего против того, чтобы он стал герцогом Тосканским, но ни папа, ни император не хотели ссориться с этим народом и этим городом, потому что знали, что у народа Флоренции денег еще больше, чем у самого Козимо Медичи. А капризный народ Флоренции никогда не согласится променять свою республику на герцогство. Вот и приходилось ему, Козимо Великолепному, довольствоваться званием «отца отечества», которое в приличном обществе вызывало только сочувственную улыбку. Да, он гонфалоньер справедливости – глава синьории, но, смешно сказать, только на два месяца, потому что

через два месяца эта чернь его переизберет. Это было бы смешно, если бы не было так грустно.

Чтобы не думать о печальном и не впадать в меланхолию, Козимо с головой окунулся в меценатство. Он давал деньги художникам, поэтам и философам. Он мечтал сделать Флоренцию новыми Афинами. И для этого решил создать здесь новую Платоновскую академию. В качестве первого шага он пригласил из Падуи, где он долго жил во время своего изгнания, ученых аристотеликов тамошнего университета. А среди участников Собора было много выдающихся платоников, включая самого Плетона, которого называли не иначе, как «Последний Платон». Вот Козимо и решил организовать коллоквиум для этих философов в своем дворце. И там же публично объявить о создании своей Платоновской академии. Этот жест непременно станет широко известен и будет хорошим вкладом в копилку его возможного герцогского авторитета.

А чтобы этот жест действительно стал широко известен в нужных кругах, хитрый Козимо пригласил на коллоквиум и правителя родины Плетона деспота Мореи Фому Палеолога. Через него деяния Медичи непременно станут известны при Константинопольском дворе, а оттуда слухи о них, как всегда преувеличенные, расползутся по всей Европе. Козимо лично встретился с Фомой, наговорил ему кучу комплиментов по поводу просвещенности в его владениях и пригласил его быть председателем на предстоящем коллоквиуме. У Фомы Палеолога был тихий и задумчивый взгляд человека, которого не волнуют проблемы престижа, потому что он знает, что в его жилах течет кровь ромейских императоров. О, чего бы Козимо не отдал за такое знание! Но увы, это то, чего нельзя купить ни за какие деньги. Фома вежливо выслушал Медичи, немного подумал и неожиданно согласился на его приглашение. Козимо был счастлив. И сразу же приступил к подготовке этого мероприятия. Само заседание должно было проходить в зале приемов его дворца, где был установлен огромный круглый стол, за которым свободно смогут разместиться все участники коллоквиума. А ужин будет накрыт в парадной столовой. «И ужин будет такой, что и деспоту Мореи будет о чем вспомнить, не будь я Козимо Медичи!»

Три философа из Падуанского университета приехали за неделю до коллоквиума и с удовольствием жили во дворце Медичи на всем готовом. У Козимо даже возникло подозрение, что если бы коллоквиум вдруг не состоялся, то они бы и не сильно расстроились, лишь бы их дивная командировка продлилась как можно дольше. Плетона Козимо пригласил через Фому Палеолога – ему показалось, что так будет более почетно для философа. Виссариона он хорошо знал и попросил его быть главным докладчиком на коллоквиуме. Ну и последним на коллоквиум вдруг неожиданно явился секретарь папской курии Николай Кузанский, тоже бывший падуанец, как оказалось. Что ж, очень кстати.

В субботу вечером Козимо Великолепный сам встречал гостей в дверях своего дворца. Слуги провожали ученых мужей в зал заседаний, а Фому Палеолога Козимо проводил лично и усадил его рядом с собой. По другую сторону от себя он разместил старца Плетона. Рядом с Плетоном сидел Виссарион. А напротив разместились падуанцы и примкнувший к своим товарищам по alma mater Николай Кузанский. На столе перед каждым участником коллоквиума стояли напитки и бокалы. За спинами собравшихся неслышно скользили слуги, подливая в них вино или морс. Козимо стоя приветствовал его Светлость деспота Мореи и ученое собрание, выразил надежду, что этот коллоквиум станет началом философской жизни во Флоренции и т.д. и т.п. Потом он предоставил слово Виссариону. Виссарион уверенно прочитал популярную лекцию об учении Платона, на которую никто не отреагировал видимым образом. После этого он попросил собравшихся задавать вопросы. Самый почтенный из падуанцев встал и, слегка поклонившись в сторону Медичи, произнес:

- Я хочу спросить почтенного епископа Виссариона, не думает ли он, что принятие точки зрения Платона о реальном существовании эйдосов, возвращает нас к философии софистов, которые не делали различия между предметами и их предикатами, считая последние также реально существующими сущностями. Это приводило философов к абсурдным утверждениям, пока божественный Аристотель не установил их различие в своей логике. Не нарушает ли учение об эйдосах этот порядок в логике?

Виссарион слегка поклонился падуанцу и ответил с любезной улыбкой:

- Нет, почтенный профессор, с логикой учение об эйдосах не противоречит, поскольку эйдосы – это не предикаты, а тоже предметы, но предметы особого рода, существующие не в мире, подвластном времени, но в мире вечности, где нет времени.

Падуанец усмехнулся и спросил:

- Но если там нет времени, то возможна ли вообще в таком мире логика, ведь логика – это процесс вывода следствий из посылок, а любой процесс протекает, как известно, во времени?

Тут улыбка сошла с лица Виссариона, и он встревоженно посмотрел на Плифона.

Плифон перехватил его взгляд и медленно поднялся:

- Вы совершенно правы, почтенный профессор, - в мире эйдосов не работает логика Аристотеля, ибо там нет времени.

- Тогда что же связывает между собой эйдосы?

- Ну, во-первых, они связаны через наш подлунный мир и его предметы, в которых они воплощаются. А во-вторых, между ними есть связь и в мире вечности, которую можно понять на примере идеальных платоновых тел. Как вы, наверное, знаете, таких тел существует всего пять: тетраэдр, куб, октаэдр, икосаэдр и додекаэдр. Так вот, оказывается, что они попарно связаны так, что каждой грани одного соответствует вершина другого. Такие пары образуют куб и октаэдр, додекаэдр и икосаэдр, а тетраэдр сам себе пара. Как назвать такую связь? Не знаю, может быть вложением: ведь каждое тело такой пары как бы вложено в другое тело той же пары, если соединить середины граней между собой. Это понятно?

Падуанец сделал неопределенное движение рукой, сопровождаемое довольно кислой улыбкой. Плифон на минуту задумался и его взгляд вдруг оживился:

- Я постараюсь пояснить вам этот тип связи на не совсем обычном предмете, - с этими словами он достал из кармана матрешку и поставил ее на вытянутой ладони. Все собравшиеся с любопытством и непониманием уставились на нее. Плифон разобрал матрешку на глазах у всех и поставил все три фигурки на столе перед собой:

- Эта фигурка называется «матрошка» - я купил ее недавно у одного москвитя.

Представьте себе, почтенные синьоры, что вот эта внешняя, самая большая матрошка – это воплощение эйдоса в нашем подлунном мире. Это то, что изучают ученые мужи, - то, что изучал великий физиолог Аристотель. А вот эта внутренняя матрошка, которая вложена в первую, - это эйдос из идеального мира эйдосов Платона, это тот образец, по которому лепится внешняя, наружная форма. А вот эта самая маленькая матрошка – это еще один эйдос, который вложен в предыдущий эйдос и который тоже оказывает свое влияние на то, какой будет наружная форма в мире природы.

Плифон обвел взглядом сидящих за столом и вопросительно посмотрел на падуанца.

Тот величаво усмехнулся и ответил на немой вопрос Плифона:

- Ну уж если мы опустили из сферы чистого мышления до игрушек диких москвитов, то не соизволит ли почтенный Плетон привести пример воплощения такого двойного эйдоса в каком-нибудь реальном явлении природы?

- Извольте! Почтенный профессор, как верный последователь Аристотеля, видимо знает как много внимания уделял Стагирит наблюдению в природе за процессом превращения гусеницы в бабочку или головастика в лягушку. Так вот представьте себе

теперь, что самая внутренняя фигурка – это эйдос червя, а средняя фигурка – эйдос бабочки, и что действуют они последовательно во времени – сначала внутренний, потом внешний. Тогда мы и будем наблюдать в реальной природе смену формы живого существа: сначала оно будет иметь форму червя, а потом форму бабочки. Это и есть метаморфозис. То же самое можно сказать и о превращении головастика в лягушку – здесь эйдос рыбы сменяется во времени эйдосом лягушки.

Плифон снова вопросительно посмотрел на падуанца.

- Сейчас, почтенный Плетон, Вы противоречите тому, что говорили о мире эйдосов прежде – что там нет времени, а значит нет и логики. Но теперь у Вас получается, что последовательное действие причин и следствий в нем все-таки есть. Что же на самом деле верно?

- Здесь нет противоречия, почтенный профессор. Последовательное воплощение эйдосов во времени протекает в подлунном мире природы, мире, где властвует время и логика Аристотеля. Но интересно, что и в этом мире мы можем обнаружить след вневременной и внелогической связи между двойными эйдосами. После того не означает вследствие того: между живой гусеницей и живой бабочкой существует куколка – воплощение смерти. Если внутри гусеницы и внутри бабочки мы легко обнаружим органы жизнедеятельности, то внутри куколки нет внутренних органов – они превращаются в однородную массу, как у разложившегося мертвого тела. Поэтому между устройством гусеницы и устройством бабочки нет логической преемственности – между ними находится состояния смерти или хаоса.

Виссарион с восторгом смотрел на старика. И когда он бросал взгляд на сидящих вокруг стола философов, то видел тот же восторг и в их глазах. Плифон был великолепен! «Какой мощный и всеобъемлющий ум, - восхищался Виссарион, - кто бы мог подумать, что ему уже восемьдесят лет!». Падуанец, чувствуя явное превосходство Плифона в этой беседе, решил уколоть его, прикрывшись щитом авторитета Платона:

- Скажите, почтенный Плетон, а что говорит сам Платон о таких двойных эйдосах?

- Платон о них ничего не говорит – он о них еще ничего не знал.

- Вы хотите сказать, почтенный Плетон, что Вы превзошли самого Платона? – с вызовом воскликнул падуанец и обвел победным взглядом всех присутствующих, как бы приглашая всех разделить его возмущение. Плифон улыбнулся и тихо ответил:

- Да, превзошел. Плох тот ученик, который не превзошел своего учителя. Поэтому я надеюсь, что душа Платона радуется сейчас этому факту.

Падуанец опешил от такой наглости, но взял себя в руки и решил добить своего оппонента авторитетом Платона:

- Может быть Вы, почтенный Плетон, с высоты своей мудрости, считаете некоторые утверждения Платона ошибочными? Не поделитесь ли Вы с нами своими умозаключениями?

- У каждого человека есть свои пристрастия, свои слабости, которые ведут его к неверным выводам, будь он трижды мудрец. А Платон был страстный человек и страстно отстаивал некоторые свои неверные представления. Например, он был сторонником аристократической системы правления, которую ставил выше монархии. Таков был его жизненный опыт, ибо он еще не знал о будущей блестящей династии Птолемеев, которая на триста лет превратила свою столицу в центр науки и философии всей цивилизованной ойкумены. Не знал он также и о воплотившейся его мечте – коллективной власти мудрецов, которая стала причиной того, что теперь вся ойкумена поклоняется Богу распятому.

- Что Вы хотите этим сказать, Плифон? – раздался удивленный голос Николая Кузанского. Плифон повернул голову к нему:

- Разве Иудейский Синедрион – это не воплощенная мечта Платона о совете мудрецов, управляющих государством? Их сходство становится очевидным, если вспомнить о том, почему Платон изгнал поэтов и поэзию из своего государства. Он боялся того, что связано с областью сердца. Там, где «включается» сердце, становится возможен выход за пределы схемы или идеологии. Платон считал необходимым уберечь общество от этого. Он даже заявлял, что правители могут и должны применять ложь в качестве лечебного средства ради пользы своего государства. Сравните теперь эту позицию Платона с позицией первосвященника Каиафы при осуждении Христа в Синедрионе: тот же самый «страх сердца», открываемого Господом в людях, продиктовал смертный приговор. Страх выхода за пределы фарисейской схемы и был истинной причиной распятия Христа.

- Вы считаете, что коллективное правление всегда хуже единоличного правителя? – с надеждой в голосе спросил Козимо Медичи. Плифон слегка поклонился в сторону Козимо:

- Да, экселенц, это так. И об этом свидетельствует вся человеческая история.

Козимо просиял, глаза его зажглись радостью. Он наклонился к Фоме Палеологу и прошептал так, чтобы это услышали все присутствующие:

- Ваша Светлость! Поистине счастлива та земля, где рождаются такие мудрецы! Фома вежливо улыбнулся и слегка кивнул головой.

Падуанский профессор давно воспользовался тем, что внимание общества отвлеклось от него, и тихо сидел ни на кого не глядя. Но тут встал его более молодой коллега, церемонно поклонился в сторону Медичи, и обратился к Плифону:

- Если Вы, почтенный Плетон, столь независимы от Вашего учителя Платона, то не поясните ли нам Ваше отношение к природе эйдосов или универсалий. Согласно великому Фоме Аквинскому, универсалии могут иметь тройное существование: *ante rem* (до вещи, то есть в Божественном интеллекте), *in re* (в вещи) и *post rem* (после вещи, в человеческом уме). Первую точку зрения, которую видимо и можно назвать платонизмом, разделяли Ансельм Кентерберийский, Гильберт Порретанский, Фома Аквинский и Бонавентура. Вторую видимо можно назвать аристотелизмом и ее приверженцами были Пьер Абеляр и Дунс Скот. Последняя точка зрения видимо близка Уильяму Оккаму. Какую из этих точек зрения разделяете Вы?

Плифон улыбнулся молодому ученому и дружелюбно сказал:

- Знаете, мессере, я был бы вполне аристотеликом, как Пьер Абеляр или Дунс Скот, если бы не существовало математики. Но она существует и ее объекты должны где-то находиться еще до того, как они воплотятся в реальных предметах мира или в человеческом уме. Вот например великий Архимед установил, что отношение длины окружности к диаметру это три целых и одна седьмая. Это истина об окружности. И вот вопрос: где находилось это «архимедово число» до того, как в мире возникла первая окружность и до того, как возник сам человеческий ум? Ведь если это истина, то она истина всегда, вечно. Значит она должна была существовать до вещи, до первой окружности, существовать в мире эйдосов Платона или в Божественном интеллекте, как говорит Фома Аквинский, что по-моему одно и то же.

Падуанец учтиво поклонился старику:

- Благодарю Вас, мессере, за исчерпывающий ответ. Но хотелось бы иметь более развернутое Ваше рассуждение о сравнении взглядов Платона и Аристотеля. И если бы Вы, мессере, снизошли к нашей просьбе и написали подробнее о том, что говорили нам здесь сегодня, наша благодарность Вам была бы сравнима с тем восхищением, которое, я уверен, все присутствующие испытывали, слушая Вас.

- Своей просьбой Вы, мессере, предупредили мое намерение. Я как раз, готовясь к нашей встрече, набросал трактат под названием «О том, чем отличается Аристотель от

Платона» и хотел преподнести его нашему радушному хозяину его Светлости Медичи на память о сегодняшней встрече.

Плифон поклонился Медичи, который после «Светлости» едва сдерживал слезы умиления. Плифон достал из-под плаща свиток и с поклоном протянул его Козимо. Тот также с поклоном принял подарок и воскликнул:

- Вот истинное богатство, с которым не может сравниться все золото Флоренции, ибо золото от употребления тратится, а мудрость от употребления только возрастает! Принимая Ваш трактат, почтенный Плетон, я здесь перед лицом почтенного собрания клянусь, что создам во Флоренции Платоновскую академию, в которой жаждущие мудрости смогут обретать ее, как в древности в благословенных Афинах. И ваш трактат станет первой книгой в будущей библиотеке этой академии.

Все присутствующие встали и заоплачивали этому порыву хозяина. А его Светлость деспот Мореи даже слегка поклонился в сторону Козимо, после чего тот почувствовал, что жизнь удалась, что Бог есть и находится где-то совсем близко от него, Козимо Медичи.

После такого триумфа не имело смысла продолжать коллоквиум и Козимо пригласил всех отобедать. Гости с радостным возбуждением приняли его предложение и двинулись в соседнюю залу, где уже был накрыт роскошный стол, достойный любого герцога и даже короля. По одну сторону от себя Козимо усадил деспота Фому, а по другую Плифона. И сразу предложил тост за будущую академию. Потом следовали тосты за Платона, за Плетона, за его Светлость деспота Фому, в стране которого рождаются такие мудрецы, потом падуанцы подняли тост за божественного Аристотеля, а все последующие тосты как-то слились вместе и уже не запомнились никому. Гости говорили и смеялись все громче, слуги неслышно двигались, меняя блюда, над столом царил атмосфера благодушия и довольства. Тут Козимо наклонился к Плифону, который пил мало и почти не ел, и спросил его:

- Почтенный Плетон, не откроете ли Вы мне секрет, где именно Вы купили ту разбирающуюся фигурку, которую Вы сегодня демонстрировали нам?

- Охотно, почтенный Козимо! Я купил ее у москвитя, который продает эти матрешки у Палаццо Веккьо каждый день.

- Благодарю Вас, почтенный Плетон! – сказал Козимо и пальцем подозвал к себе слугу, который почтительно наклонился к самым губам хозяина. Козимо что-то тихо сказал ему на ухо. Тот поклонился и быстро вышел из залы...

Николай Кузанский

Незаметно наступила ночь. Первым откланялся Фома Палеолог, любезно поблагодарив хозяина за прекрасный вечер. Козимо проводил его до дверей, долго благодарил за участие в коллоквиуме и выразил надежду на новую скорую встречу. Деспот Морей в ответ вежливо поклонился хозяину и с явным облегчением вышел из дворца. Козимо понял, что скорой встречи не будет. «Вот так все они, - подумал он с раздражением, - холодно любезны, недоступны и осторожны, будто боятся испачкаться о мое плебейство». Он вернулся в залу, где уже изрядно подпитые падуанцы о чем-то громко спорили с Виссарионом. Свечи в серебрянных подсвечниках оплыли. Уставшие слуги с трудом сохраняли на лицах почтительное выражение. Плифон, увидев вошедшего Козимо, встал и, сославшись на позднее время, тоже откланялся. Козимо проводил старика до выхода, предложив дать ему в сопровождение своих слуг. Но Плифон отказался, сказав, что он еще не так стар, чтобы бояться ходить ночью одному. Он вышел из дворца Медичи на улицу и с наслаждением вдохнул насыщенный ароматами весны ночной воздух. Над спящей Флоренцией висела огромная луна и заливала город своим таинственным сиянием. В такую ночь не хотелось никуда спешить, но только тихо идти и размышлять. И Плифон медленно двинулся по направлению к реке. И тут он услышал приближающиеся шаги за спиной. Он оглянулся – его догонял Николай Кузанский. Виновато улыбаясь, он обратился к старику:

- Извини, Плифон, что я отвлекаю тебя от твоих мыслей, но мне очень нужно поговорить с тобой. Позволь, я провожу тебя до твоей гостиницы.
- Изволь. С удовольствием прогуляюсь с тобой, Николай. Как тогда, в Константинополе, помнишь?
- Конечно помню. Я тот наш разговор буду помнить всю жизнь. И именно о нем я вспомнил, когда ты на коллоквиуме показал эту раскладывающуюся фигурку. Как ты ее назвал – марошка? Мартошка?
- Матрошка. Но при чем здесь матрошка и учение Плотина, о котором мы тогда с тобой беседовали?
- Да ведь это и есть самая лучшая модель системы неоплатонизма, какую только можно себе вообразить! Вспомни конструкцию Сущего и явлений в неоплатонизме: это последовательные нисходящие ступени: Единое, Ум, Душа, Космос, Материя. Каждая из ступеней причастна соседней высшей и, таким образом, в конце концов причастна Единому. Это же и есть суть твоей матрошки!
- Да, действительно, - задумчиво улыбнулся Плифон, - самая внутренняя матрошка есть Единое, которое эманурует ряд ступеней последовательно убывающего совершенства.

А самая внешняя матрошка и есть материальная вещь, которую мы можем ощущать. Это ты верно заметил, Николай, - молодец!

В темноте не было видно как покраснел Кузанец от этой похвалы. Он вздохнул, справившись с волнением, и продолжил свою речь:

- Я рад услышать похвалу от тебя, Плифон, но это еще не все, о чем я думал, глядя на твою матрошку. Я подумал, что если эманация Единого изображается движением от внутренней матрошки к внешней, то обратное движение, которое у Плотина называется «восхождением к Единому» и передается термином «экстаз», изображается как раз последовательной разборкой внешних оболочек матрошки вплоть до достижения абсолютного и слияния с ним. У меня как пелена упала с глаз - я наконец ясно увидел, как совершается то, что я называю «ученым незнанием».

- Ученым незнанием? Что это за странный парадокс, и как это вообще возможно?

- Звучит странно, я знаю, но оно только на первый взгляд противоречиво. Тогда, два года назад, по дороге из Константинополя на меня сошло Божественное откровение: я стоял на носу корабля, смотрел на звездное небо, отражающееся в звездном море, и думал о том, что ты говорил мне об учении неоплатоников. И вдруг в уме моем прозвучало это слово: «De docta ignorantia». И еще: «Бог во всем и все в Боге». Я чувствовал, что обе эти мысли об одном и том же, но еще не понимал, как именно они связаны между собой. Потом вспомнил твои слова о том, что Плотин называл Единое «ничем». Потом вспомнил, как Дионисий Ареопагит писал об апофатическом познании Бога путем отрицания всех возможных определений, как несоизмеримых с его природой. Мы как бы начинаем с познания внешности предмета, потом проникаем внутрь его и познаем его внутренность, потом проникаем сквозь нее еще глубже и познаем и эту внутренность, по пути отбрасываем добытое знание, которое бесполезно для новой, более глубокой реальности и оказываемся в конце концов в самой сердцевине предмета, которую мы совершенно не знаем. Здесь мы обнаруживаем Бога, который предстает как нечто принципиально невыразимое. Поэтому я и говорю, что нет более совершенного постижения, чем явить высшую умудренность в собственном незнании.

- Не это ли имел в виду великий Сократ, когда говорил, что он знает, что ничего не знает?

- Может быть, может быть... Истина во все времена одна и та же и дорога к ней тоже одна и та же.

- Что я могу сказать, Николай, мне нравится твой взгляд на мир и Бога – я чувствую, что в нем заключена очень важная истина о человеке и человеческом разуме. Может быть ты обнаружил именно то ограничение познаваемости мира, которое имел в виду Господь Бог, когда запрещал человеку вкушать плоды с Древа Познания. Я рад за тебя, Николай, - Плифон улыбнулся своему спутнику. Тот снова покраснел от похвалы учителя и чтобы сделать это незаметным, спросил о постороннем:

- Скажи, Плифон, а где ты купил эту матрошку?

Плифон усмехнулся в бороду:

- Сегодня мне уже приходилось отвечать на этот вопрос. Я купил ее у московита, который продает эти матрошки у Палаццо Веккьо каждый день. Если завтра Козимо Медичи не раскупит их все, то у тебя есть шанс приобрести себе такую же фигурку.

- Я встану пораньше, когда Козимо еще будет спать, и опережу его, - весело ответил Николай Кузанский.

Так, в разговорах, они незаметно для себя дошли до гостиницы, где жил Плифон. Николай пожелал старику доброй ночи, а сам пошел бродить по городу, снова и снова возвращаясь мыслями к тому, о чем они говорили. При этом он что-то бормотал, но

если бы его бормотание услышал случайный прохожий, то смог бы разобрать только два слова - «docta ignorantia» и «матрешка».

5

Яков Борисович Прозоров, дьяк великого князя Московского, сидел в своем гостиничном номере перед открытым сундуком и задумчиво водил рукой по бобровому воротнику роскошной собольей шубы, обшитой сверкающей парчой. Жалованная шуба – государева награда! Вспоминал с какой завистью смотрел на эту шубу здешний князь Кузьма Медичин, когда принимал делегации, приехавшие на Собор в своем дворце. В такой шубе Прозоров сам выглядел как князь и глава московской делегации, что сильно раздражало настоящего главу делегации митрополита Исидора. И вот теперь приходится расставаться с княжеским подарком. А что делать? – жить на что-то надо. Деньги кончились еще три месяца назад. «Хорошо, что у моего Федьки-холопа руки золотые оказались – третий месяц его матрешками кормимся. Не дай Бог узнают в Москве – засмеют. Когда ехали на Собор, рассчитывали на год, а он вот уже два года тянется, и когда-то еще закончится. А еще обратно ехать! У Исидора-то деньги есть, да ему и патриарх охотно даст, чтобы у папы не брал. А где мне-то их взять?» – Яков Борисович тяжело вздохнул, - «Я кто здесь? – «око государево», а что такое шпион без денег? – слепое око. Эх! Не трудно найти человечка в окружении митрополита, чтобы следил за его перелетами между патриархом и папой, но чем платить этому человечку? А что я напишу великому князю? Он ведь ждет моих посланий... Да, выхода нет, придется нести шубу в заклад к ростовщику».

Яков Борисович снова тяжело вздохнул, вынул шубу из сундука и вышел из номера. Он прошел по коридору, спустился по лестнице и вышел во внутренний дворик гостиницы, где на лавочке сидел его холоп Федька и, напевая, что-то строгал ножом. Увидев хозяина, он блеснул белыми зубами в черной бороде и весело спросил:
- Что, Яков Борисыч, проветрить на солнышке шубу желаешь?
- Нет, Федька, - грустно ответил хозяин, - снеси-ка ты эту шубу в заклад. Очень деньги нужны.

- Да ты что, Яков Борисыч, княжеский дар продавать?

- Делать нечего – мне княжескую службу надо нести, а денег нету.

- Ну если для княжеской службы, - серьезно протянул Федька и развязал кошелек на поясе – вот тебе, Яков Борисыч, дукат, а сегодня к вечеру еще дукат будет. А шубу не продавай – и без того выкрутимся.

У великокняжеского дьяка глаза на лоб полезли:

- Да откуда у тебя такие деньги? Уж не разбоем ли ты занялся, тать ты эдакая?

- Нет, Яков Борисыч, не изволь беспокоиться, все честь по чести, это я за матрешек наторговал.

- Да кто ж это за твои деревяшки целый дукат отвалил?

Федька потупил взгляд и тихо ответил:

- Римский папа, вот кто.

Прозоров где стоял там и сел.

- Врешь!

- Вот те крест, Яков Борисыч! Истинную правду глаголю.

- Сказывай все как есть, разбойник! Все в подробности сказывай!

Федька выпрямился на лавочке, солидно погладил черную бороду и начал свой рассказ:

- Все началось третьего дни. Я как обычно стоял у старого дворца на площади со своим лотком и продавал матрешек молодкам да бабам. У них тут уже слух пошел, что мои матрешки помогают неплодным бабам понести. Ну и они их на всякий случай покупают.

- И что действительно помогают? – усмехнулся дьяк.

- А как же? Я даже им рекл, что если не поможет, то деньги верну.

- И что, хоть раз вернул?

- Вернул,.. и не раз, но потом мне эти деньги опять вернулись и сторицею, - хитро ощерился Федька.

- Как это?

- А вот как: я глаголю такой бабенке, что должен с ней встретиться наедине и совершить с ней особый обряд в присутствии этой матрешки. И тогда она точно понесет.

- Ну и?

- Ну и совершал... И ни одна не жаловалась потом.

- И за это еще и деньги тебе платила?

- А как же – лекарю полагается платить, я ведь от неплодности лечу.

- Ну ты, Федька, и охальник!

- А вот и нет, Яков Борисыч! Я бабий лекарь. Дар у меня такой – исцелять баб от неплодности.

- Вот поймают тебя мужья исцеленных тобою баб и оторвут тебе этот твой дар – и поделом тебе будет!

- Не поймают и не оторвут, - уверенно ответил Федька, - потому что ни одна баба о том своему мужу не скажет.

- Ну и кобель ты, Федька! – почти с восхищением воскликнул Прозоров, - Ладно, Бог тебе судья, ты о папе римском сказывай, да в подробности!

- Да, так вот, - опять начал рассказывать холоп, - стою я, торгую, с бабами балагурю. Тут подходит ко мне старичок такой сухонький, седой совсем, а лицом благообразен, как на иконе писанный. По виду грек. И просит показать как матрешка открывается. Я показал. Ему видно понравилось это и он купил у меня одну. И дальше пошел. А через час гляжу он обратно идет и опять ко мне подходит и просит еще одну матрешку ему продать. Подивился я, зачем это старичку матрешки понадобились, ну и продал конечно. И видно не простой это был старичок, а может даже святой совсем, потому что на следующий день прямо с утра подходит ко мне папский холоп, просит матрешку и дукат за нее дает...

- ... А ты не напутал? Точно это папский холоп был?

- Бес путает, Яков Борисыч, а я папских холопов за два года насмотрелся, сразу признаю.

- Ну дела-а, - протянул в раздумии дьяк.

- Ты дальше слушай, это еще не все. В воскресенье утром подходит ко мне важный латинский поп, может даже епископ ихний и просит матрешку! А у меня как раз последняя оставалась. И только он ушел с этой матрешкой, я уж уходить собрался, как ко мне подходит холоп князя Кузьмы Медичина и тоже просит матрешку! Глаголит, что никаких денег не пожалеет. Я ему пообещал матрешку за два дуката через день, вот теперь сижу заказ исполняю. Что скажешь на это, Яков Борисыч? Не иначе как через того старичка на меня Божье благословение сошло, что такие покупатели на моих матрешек набросились...

- Да, дивны дела твои, Господи, - задумчиво сказал Яков Борисович, и при этом начал усиленно думать: «Зачем папе римскому может понадобится матрешка? Что за блажь? Или не блажь, а тайное ведовство и волхование? Тогда с кем же мы хотим унию заключить? И ведает ли о том митрополит Исидор? Нет, надобно о том великому князю писать, теперь же, не откладывая. А за Исидором следить должно неотступно – теперь деньги есть, можно соглядатая нанять...» И он снова обратился к своему холопу:

- Работай, Федька, да Бога не забывай! А вернемся в Москву, я тебя изрядно награжу за твое усердие.

Федька почесал в бороде и как бы между прочим обронил:

- А я в Москву пожалуй и не поеду.

- Как не поедешь? Да ты в своем уме, холоп?!

- А на что мне Москва – я тут за неделю заработаю больше, чем в Москве за год. И вино дешевое, и тепло тут, и бабы опять же... добрые. Нет, не поеду я с тобой в Москву, Яков Борисыч.

- Да я тебя сейчас прикажу выпороть, раб неверный!

Федька нагло ухмыльнулся:

- Не выпорешь, Яков Борисыч, - сраму остережешься: я в Синьорию пожалуюсь, на тебя виру наложат, а тебе и заплатить-то нечем, то-то будет тебе, великокнязьему дьяку, срам перед иноземцами.

Тут Яков Борисович притих, сник весь сразу и пошел со своей шубой обратно в номер. А по дороге опять усиленно думал: «Вот оно, тлетворное влияние латинства – собственный холоп перед хозяином страх потерял. Это что же будет, это куда же мы лезем с этой унией? Нет, надо отсюда ноги уносить и чем скорей, тем лучше. Надо великому князю писать, чтобы не принимал союза с латинянами, а то пропадет Святая Русь, как есть пропадет!»

А Федька снова стал вырезать ножиком матрешку, думая при этом: «А чего бы мне не начать ложки резать? Я ведь ложки изрядно делаю. Может папе римскому деревянная ложка приглянется? Я бы ему ее за пол-дуката загнал. И Кузьме Медичину тоже за пол-дуката...»

Глава вторая: Мистра, июнь 1452 года.

Фома Палеолог

Огромный шмель влетел в окно и заметался по комнате, жужжа и стучаясь о стены и мебель. Фома следил за его судорожными поисками выхода:

«Вот так и я жужжу и стучаюсь о стены своего Пелопонеса, а выхода не нахожу. Хотя наверное где-то есть «окно», в которое можно улететь. Или мне это только кажется? Султан Мехмед затягивает петлю вокруг Константинополя, а я его вассал. Что я должен делать в этой ситуации? Нарушить вассальную клятву и оказать помощь брату Константину войском? Но тогда Турахан-бей снова вторгнется в Морею и зальет ее кровью. А просто наблюдать издали как гибнет империя невыносимо. И тоже губительно для Мореи: как только падет Константинополь, Мехмед немедленно ликвидирует Морею как деспотию, это очевидно. Что же делать и где выход?» Шмель наконец-то попал в окно и в комнате сразу стало тихо. Фома печальным взглядом смотрел вслед улетевшему шмелю и шевелил губами:

«Как быть, вот в чем вопрос. Достоин ли смиряться под ударами судьбы, или надо оказать сопротивление и в смертной схватке с целым морем бед покончить с ними? Умереть. Забыться. И знать, что этим обрываешь цепь сердечных мук. Это ли не цель желанная? Скончаться. Сном забыться. Уснуть... и видеть сны? Какие сны в том смертном сне приснятся?.. Не эти ли сны видел старик Плифон и записал их в своем трактате. Я читаю его вот уже третий день как утешающую сказку. Все здесь гармонично и человечно и нет ни султана Мехмеда, ни продажной константинопольской бюрократии, а есть только... где это, - Фома развернул свиток, лежащий на его столе, - да, вот оно: «Полития по образцу Лаконской, которая, с одной стороны, освобождена от чрезмерной суровости, нелегко принимаемой большинством людей, с другой — дополнена предназначенной для правящих лиц философией, этим наилучшим из платоновских государственных установлений». Ах мудрый старик! Этот мир мечты наверное все, что нам осталось на этой земле...»

Мысль обрвалась на полуслове – в дверь постучали. Вошел его секретарь Михаил с сегодняшней почтой. В глаза сразу бросился футляр с печатью патриарха. Фома сразу почувствовал, что это послание будет как-то связано именно с трактатом Плифона. Секретарь с поклоном вышел. Фома сломал печать и углубился в послание патриарха Афанасия. Глаза скользили по привычным оборотам и словесным формулам, за которыми скрывался какой-то липко-гадкий смысл, разлитый по всему посланию: «... в годину тяжких испытаний, выпавших на долю нашего отечества... все как один сплотились вокруг Императора и Церкви... некоторые отщепенцы своими еретическими измышлениями льют воду на мельницу наших врагов... растлевает молодежь, склоняя ее к язычеству... османский шпион... » - ну это понятно, как без шпиона обойтись, ну и что далее... а вот и резюме, - «по указанию императора Константина Палеолога сжечь трактат «Законы» как еретический и наказывать всех его распространителей лишением свободы сроком на... или штрафом в размере... в пользу казны... принять меры по

изоляции Плифона Малатеста». И подпись императора Константина рядом с подписью патриарха.

- Ах, Коста, Коста, крутят тобой как марионеткой. Интересно, а сам-то ты принял какие-нибудь меры по обороне столицы или как всегда на чудо будем надеяться. Вот и виноватого уже назначили – если чуда не произойдет, то из-за еретика и тайного язычника Плифона. Сумасшедший дом! Как это в Евангелии: «Слепые и поводыри слепых»

Фома бросил свиток на стол и снова уставился неподвижным взглядом в окно. «Нет, это невыносимо. Нужно пойти к Плифону и послушать старика – его речи всегда меня успокаивали. А то неровен час помрет, и не к кому будет обратиться за советом. А помереть он может в любой момент». Фома вдруг испугался, что вот он пойдет сейчас к Плифону, а тот уже лежит мертвый. Нет, нет, этого не может быть! Но сам он вдруг начал быстро одеваться, схватил шляпу, плащ застегивал уже на ходу, бросив Михаилу, что будет у Плифона.

2

Жаркое июньское солнце раскалило камни мостовой. Время полуденной сиесты – на улицах никого. Фома старался идти по теневой стороне улицы и не столько по причине жары, сколько от нежелания встречаться с кем-нибудь из своих подданных. И не то, чтобы его перстали чтить и уважать, нет, но в воздухе висело что-то такое мрачное и гнетущее, что подданные старались не смотреть в глаза своему властителю. А если кто и поднимал на него испытующий взгляд, то он сам отводил глаза в сторону. В общем, все все понимали, или по крайней мере чувствовали, и приближающийся конец империи и беспомощность своего властителя.

Плифон жил недалеко от резиденции деспота Морей. Он все еще числился судьей Мистры, хотя давно уже передал все дела своему родственнику и ученику Сигизмунду Малатесте, а сам только руководил созданной им в Мистре Платоновской или точнее Плифоновской академией. Раз или два в неделю его ученики, одетые в древнегреческие хитоны, собирались за городом на природе, слушали его лекции, пили вино, любовались танцами девушек под звуки лиры, флейты и кимвалов. Девушки были тоже одеты по-древнегречески, то есть танцевали совершенно голыми. Именно этот факт стал причиной доноса кого-то их бдительных граждан в Константинополь, доноса, который вернулся сегодня назад в виде грозного послания патриарха и императора.

Фома постучал в двери дома Плифона, выкрашенные голубой, уже облупившейся кое-где краской. Ему открыл старый слуга Агафон и с поклоном проводил в покои Плифона. Фома вошел в комнату философа и остался стоять, пока глаза его привыкали к полумраку – ставни на окнах были закрыты и лишь немного света проникало сквозь их щели вовнутрь. Наконец он увидел кровать, на которой возлежал старик, укрытый одеялом. Фома присмотрелся – жив! Слава Богу! Вдруг из-за спины старика показалась женская головка с растрепанными каштановыми волосами. Она вопросительно посмотрела на вошедшего и решительно выскользнула из-под одеяла. Женщина была совершенно голой, но абсолютно не стеснялась этого. Она прошла мимо опешившего Фомы, обдав его ароматом молодого женского тела. Он медленно опустился в кресло, которое обнаружил возле себя. Когда за ней закрылась дверь, Фома воскликнул: - Плифон, я потрясен! Я ожидал увидеть тебя на смертном одре, а ты оказывается живее всех живых!

Старик поднял руку, как бы пытаясь защититься от него:

- Это не то, что ты подумал, Фома. Это моя сиделка Леда.

- По-моему, это лежалка.

- Ну это зависит от состояния больного.

- Твое состояние, Плифон, делает всех сиделок лежалками.

Старик усмехнулся глазами:

- Это слишком сильный комплимент для моего возраста. Нет, все проще и прозаичней - эта добрая женщина спасает меня от смертного холода, который все чаще посещает меня. Она лечит меня от старости и не более того.

- Разве можно вылечить от старости? – с деланным удивлением спросил Фома.

- Я знаю что нельзя, но все равно приятно. На самом деле это и есть смертный одр, но смертный одр философа – я надеюсь ты помнишь, что Платон умер на симпосоне в объятьях гетеры.

- Но насколько я помню, Платон в то время был на десять лет моложе тебя нынешнего.

- Плох тот ученик, который не превзошел своего учителя! – снова блеснул глазами старик.

- Наверное я был самым плохим твоим учеником, Плифон, - кисло заметил Фома.

- Откуда этот пессимизм, Фома? Разве жизнь не прекрасна? Разве женщины перестали быть привлекательными? Разве вино больше не веселит наш дух? Или ты болен?

- Болен не я, а моя страна, и я не знаю способа вылечить ее от этой болезни, - уныло ответил Фома.

- Ах вот ты о чем... Не бери дурного в голову – главное это четко различать то, что ты можешь сделать от того, что ты сделать не можешь, и не путать первое со вторым. И не страдать от того, что второе не есть первое.

- Разве не ты, Плифон, в свое время писал императору Мануилу письма, поучая его как преобразовать армию, как подготовить империю к османскому нашествию?

- Вот, вот – это как раз пример того, как я спутал второе с первым. И получил за это по полной программе – меня тогда патриарх обвинил в ереси и сжег мою книгу.

- Да, кстати, - вспомнил Фома - вот и новый патриарх Афанасий прислал мне жалобу на тебя. Обвиняет тебя в развращении молодежи и тайном язычестве. И призывает сжечь твою новую книгу.

- Как все это скучно, Фома. Все в этом мире повторяется – ведь и Сократа обвиняли в том же: непочтение к богам и растление молодежи. Надеюсь патриарх не требует от тебя подать мне чашу с цикутой?

Фома печально усмехнулся:

- Нет, напрямую не требует, но наверное не возражал бы против этого.

- А ты ему напиши, что нашел меня на смертном одре. Пока письмо дойдет до Константинополя, я может уже буду предстоять перед истинным Главой церкви. Да и сам патриарх уже очень скоро будет писать свои доносы не тебе, а султану Мехмеду. Ты лучше подумай о том, что ты сам будешь делать, когда это произойдет.

- Ты полагаешь, что это случится уже скоро? – с болью в голосе спросил Фома.

- А вот я помру и турки возьмут Константинополь – разве тебе незнакома эта легенда?

- Ты сам-то к ней серьезно относишься?

- Увы, серьезней не бывает.

Фома тяжело вздохнул:

- Вот я и не знаю, что мне предпринять и стоит ли мне вообще что-нибудь предпринимать сейчас? Или во всем положиться на волю Божию?

- Ты, Фома, живешь достаточно долго, чтобы знать, что Бог ничего за человека не делает. Но Бог может помочь человеку в его усилиях. Или наоборот, сделать их тщетными. Сейчас именно такая ситуация, когда все уже поздно и любые усилия сдержат турок напрасны.

- Значит что, погибнуть? – трагически воскликнул Фома. Плифон спокойно ответил:
- Твоему брату, императору Константину, придется погибнуть. Это лучшее, что он может сделать для империи. Для памяти об империи. А тебе, Фома, нужно думать о том, как возродить империю, ибо в детях твоих течет кровь ромейских императоров. Поэтому тебе нужно бежать из Мореи как только падет Константинополь. Бежать в Италию с детьми. Лучше всего в Рим. Там тебе поможет устроиться Виссарион, мой ученик. Он имеет большое влияние на папу Николая. Я напишу ему письмо. И вот там, в Риме, вместе с Виссарионом ты и подумай, что можно сделать для будущего империи.

- Опять крестовый поход? – в голосе Фомы звучало плохо скрытое раздражение, - Виссарион уже пробовал этот путь и все закончилось катастрофой под Варной. После этого вряд ли кто из христианских государей откликнется на новый призыв.

Плифон продолжал терпеливо объяснять:

- Нужно смотреть дальше во времени и шире в пространстве. Кроме католической Европы есть еще православная Русь.

- Но Русь сама под властью Орды? – буркнул Фома.

- Пока под властью Орды, Фома, пока... А там видно будет. Когда Русь останется единственным православным государством в Ойкумене, кто знает как это повлияет на ее правителя. А если при этом ее правитель возьмет в жены твою дочь? И дети его станут наследниками Константинопольского престола? Может быть тогда и вспомнит такой правитель о своем предке, который пятсот лет назад ходил в поход на Константинополь. Может тогда снова корабли русов спустятся по Борисфену в Понт и осадят стены Константинополя, чтобы посадить на трон законного императора?

Фома устало махнул рукой:

- Все это, Плифон, звучит как сказка, мечта.

- Важно не то, что это мечта, а то, кто и как эту мечту мечтает. Вот султан Мехмед мечтал стать правителем империи и станет им. Потому что он всю жизнь свою положил на эту мечту. Такой решительности и последовательности и Бог помогает. Вот и попробуйте вместе с Виссарионом помечтать в этом направлении – глядишь, что-нибудь да получится.

Плифон вдруг засмеялся тихим смехом и добавил:

- Будете вместе с Виссарионом шпионами несуществующей империи!

- Что в этом смешного, Плифон? – грустно спросил Фома.

Старик посмотрел ему в глаза и уже серьезно ответил:

- В этой ситуации столько обреченности, что остается только смеяться. Аристофан написал бы об этом комедию под названием «Архишпион». Но я не Аристофан, а всего лишь Плифон, поэтому объясню тебе эту ситуацию как умею. Я когда-то уже пытался объяснять это Виссариону. И мне кажется, что он тогда понял меня. Подожди, я сейчас найду одну важную штучку, - Плифон кряхтя поднялся со своего ложа, открыл шкапулку на своем рабочем столе и начал копаться в ней, выкладывая из нее бумаги на стол:

- Да где же она..., а-а-а вот! – он победоносно поднял над головой какую-то фигурку.

Фома молча следил за стариком. Плифон снова уселся на ложе и поставил фигурку на протянутой ладони:

- Вот, Фома, это и есть самый точный образ шпиона и одновременно образ человеческой судьбы в этом мире. Смотри, - и он быстро раскрыл фигурку, вынул из нее вторую такую же, раскрыл ее и вынул из нее совсем маленькую фигурку. Потом поставил их рядом друг с другом на ложе,

- Вот эта меньшая фигурка – это все то, что определяет человеческий удел - имя, родина, биография и так далее, а вот эта внешняя фигурка – это все то же самое, но уже на чужбине – новое имя, новая биография, новые привычки, фактически новый

человек. Это и есть шпион. А теперь вопрос: как ты думаешь, Фома, чем отличается первая оболочка от второй?

Фома немного подумал и спросил:

- Чем же?

- А ничем.

- Почему? – недоуменно спросил Фома.

- А потому что существует вот эта сущность, - он показал на самую маленькую фигурку, - эта самая внутренняя, самая потайная и скрытая сущность человека, которая одинаково чужда как первой, так и второй оболочке. Можно сказать, что мы все на этой Земле являемся шпионами вот этой самой сущности.

- Ты имеешь в виду эйдос Платона? – догадался Фома.

- Да, эйдос или образ и подобие Божие, можно по-разному называть это, суть от этого не меняется. Или наше небесное отечество, как говорил Плотин.

- И ты предлагаешь нам с Виссарионом быть шпионами этого небесного отечества?

- А что, не нравится? Тогда считайте себя шпионами Плифона: я скоро умру, а вы останетесь на земле и будете здесь моими глазами и ушами. Как тебе такое предложение?

Фома грустно улыбнулся:

- Что ж, я думаю, что быть шпионом Плифона в этом мире – это не худший удел для человека.

- Тем более, что он полностью совпадает с замыслом Творца о человеке, - заметил Плифон, снова собирая фигурки в одну.

- Это та самая матрешка, которую ты демонстрировал на коллоквиуме у Медичи? – спросил Фома.

- Ты это еще помнишь? Да, та самая. Кстати, такая же матрешка должна быть и у Виссариона. Вот вам и пароль для встречи! – Старик протянул фигурку Фоме, - на, владей, она тебе еще пригодится.

У Фомы навернулись слезы на глазах. Он взял фигурку из рук Плифона и хрипло произнес:

- Спасибо, учитель...

Плифон тихо улыбнулся ему:

- Теперь ступай, я устал. А через два дня приходи, я передам тебе письмо для Виссариона. Ты найдешь меня за городом на холме, где развалины храма Аполлона. У меня там будут занятия с молодежью.

- «Развращение молодежи и тайное язычество»?

- Именно, именно, все как в доносе святейшего Афанасия, - усмехнулся Плифон, - сам своими глазами увидишь. Ну, прощай!

- Гелиайне, учитель!

Фома вышел из дома Плифона на улицу и зажмурился от яркого солнца. Домой он шел уже не спеша и не прячась на теневой стороне улицы. И уже не отводил глаз, когда отвечал на приветствие редких прохожих. Он ощупывал в кармане фигурку матрешки и на душе его было спокойно и радостно, как в детстве.

Фома стоял в гардеробной над раскрытым ларем с одеждой и раздумывал, что бы ему одеть на симпосьон у Плифона: «Одеть эллинский хитон, как все, вроде бы неприлично – все-таки он правитель, Палеолог – особа императорской крови. А с другой стороны: если уж ты туда придешь, несмотря на императорскую кровь, то чего выпендриваться?» Наконец он решился на компромисс: одел простой белый хитон, но подпоясал его поясом из золотых пластин, сверху накинул пурпурный плащ, соответствующий его статусу, а голову прикрыл маленькой расшитой биссером шапочкой. Когда его костюм был уже готов, в гардеробную неожиданно вошла жена Катерина.

- Куда это ты так вырядился?

- К Плифону,

- Ты пойдешь на это непристойное языческое сборище?

- Это не языческое сборище, а школа философа Плифона

- Школа! Я знаю, чему он там учит, старый греховодник, – собрал шлюх со всего города и устраивает содомские оргии. И тебя на старости лет потянуло на эти утехы черни? Может ли деспот Мореи присутствовать на таких сборищах? Подумай – ты же опозоришь имя дома Палеологов!

- Катя, ты сгущаешь краски. Ну кто тебе сказал об оргиях? Люди болтают всякое от нечего делать, а ты повторяешь эту чушь – право, это недостойно дочери последнего Ахейского князя.

- А-а-а, вспомнил о моем княжеском достоинстве? А что же ты о своем императорском достоинстве забываешь, когда отправляешься к Плифоновским шлюхам?

- Катя, мне по делу нужно с Плифоном повидаться,

- Знаю я ваши дела – вино пить, да на голых баб пялиться. Правильно этого греховодника еретиком объявили...

- ...Откуда ты это знаешь? Ты что, читала бумаги на моем столе?

- Какие бумаги? – с деланным раздражением спросила жена, - ничего я не читала, не имею такой привычки копаться в бумагах мужа.

- А если не читала, то откуда знаешь о том, что патриарх Плифона еретиком объявил? Жена смутилась, но сразу же подавила смущение еще большим раздражением:

- Я просто догадывалась, что этим все должно кончиться.

- Может быть это ты поделилась с патриархом своей догадкой? – медленно наливаясь гневом, спросил Фома.

- Не понимаю, о чем это ты? – скороговоркой ответила жена, не глядя в его сторону.

- Все ты прекрасно понимаешь, - в упор глядя на нее, медленно проговорил Фома, - только не ведаешь, что творишь.

- А ты ведаешь?! – вдруг в гневе вскричала она, - Ты ведаешь, что творишь, когда валяешь в грязи имя Палеологов?! Иди к своим шлюхам и не вздумай явиться ночью ко мне в спальню! Старый развратник!

Она в возмущении и со слезами на глазах выскочила из гардеробной.

«Ну вот, - вздохнул Фома, - разрешение получено, можно отправляться на симпосьон»

Фома поднялся на холм с развалинами храма Аполлона, когда солнце уже начинало клониться к закату. Его появление на этом холме вызвало явное оживление среди учеников Плифона. Одно дело знать, что правитель поддерживает их академию, но совсем другое – увидеть его самого среди них. Его почтительно приветствовали и усадили на почетное место рядом с ложем старца. Плифон выглядел неважно: он возлежал на высокой подушке и был бледен. Вокруг него суетилась уже знакомая Фоме сиделка Леда, на этот раз одетая чуть более, чем в доме Плифона. Он посмотрел на других женщин, хлопотавших у столов с яствами и вином, и с удовольствием отметил, что и они одеты в такие же хитоны, совершенно открытые на бедрах. «Вот она «содомская оргия», о которой предупреждала супруга», - усмехнувшись, подумал Фома. Он обвел взглядом учеников философа и отметил для себя, что здесь собралась не только молодежь, но и люди зрелого возраста. Некоторых он узнал: вон там бакалейщик Антифон, который всегда кланяется ему, когда он проходит возле его лавки. А вон там Зенон – сотник его гвардии. «Так что патриарх не прав – не только молодежь развращает наш Плифон», - промелькнула в его голове лукавая мысль. Он повернулся к старику. Плифон что-то сказал своей сиделке и она протянула ему свиток. Он передал его Фоме:

- Вот, возьми, это письмо для Виссариона. Ты его тоже прочти.

После этого Плифон замолчал, потом сделал знак Леде, чтобы она помогла ему подняться. С ее помощью он сел на своем ложе и поднял руку. На всем холме воцарилась тишина, нарушаемая только птичьим гомоном в кустах и плеском ручья в лощине. Старик смотрел себе под ноги как бы собираясь с мыслями и с силами. Потом он поднял голову, ласково улыбнулся окружающим и начал говорить:

- Дети мои... Я ухожу... Не сегодня-завтра я умру, я это чувствую... Я оставляю вас в трудное время для всей Эллады и для каждого из вас. Думаю, что Эллада скоро исчезнет надолго, может быть и навсегда. Но вы останетесь жить. Поэтому я говорю вам – не оставайтесь здесь, уезжайте в изгнание, бегите в христианские земли. Я знаю, что многие из вас думают, что можно пережить османское завоевание так же как мы пережили завоевание крестоносцами двести пятьдесят лет назад. Это ошибка. Крестоносцы завоевали наши тела, но не наши души – мы остались ромеями и детей наших воспитывали как ромеев. Теперь все по-другому – турки завоюют и ваши тела и ваши души, они отнимут у вас ваших детей и вложат в них свои души. Вспомните, что стало с Египтом и Сирией после их завоевания арабами – уже через сто лет тамошнее население превратилось в мусульман. То же самое произойдет и в Греции, и в Болгарии, и в Сербии.

Послышались женские всхлипывания. Старик немного помолчал и снова заговорил:

- Но не отчаивайтесь. Вспомните, кто такие эллины. Это народ, который создала книга – «Иллиада» и «Одиссея» Гомера. Эллада возникла там и тогда, где и когда высаживался на незнакомый берег грек со свитком поэмы Гомера. Даже великая Александрия выросла из этой книги. Греция всегда будет там, где будут жить греки со своим языком и своими книгами – с Гомером, Эсхилом, Еврипидом, Платоном, Платином. Поэтому забирайте с собой книги и бегите на Корфу, на Крит, в Венецию, во Флоренцию. Там вы воспитаєте своих детей на этих книгах. И вот парадокс – там вы наконец почувствуете себя православными. Причем даже те из вас, кого на родине считали еретиками. Вас просто заставит себя почувствовать православными католическое окружение. И именно там, на чужбине, наконец-то соединится в вашем сердце и уме философия Платона и православное богослужение. Кто знает, может быть вы еще будете молиться в храмах, где рядом с иконами христианских святых будут изображения Сократа и Платона.

«Ну это старик хватил через край, - подумал Фома, - кто из церковных иерархов допустит такое?» А Плифон продолжал говорить, голос его окреп, плечи распрямылись как-будто он сбросил десяток лет:

- Не удивляйтесь моим словам. В конце концов все должны понять, что благочестие должно поверяться разумом. Нищий духом хорош на паперти, но когда он начинает управлять чужими судьбами – это беда. А когда он правит страной, от нее остаются только руины. Вспомните императора Феодосия, который запретил изучение математики и Олимпийские игры, это при нем александрийские христиане руководимые патриархом Феофилом уничтожили библиотеку в Серапиуме. Вспомните императора Юстиниана, который закрыл Платоновскую академию в Афинах. А ведь из нее вышли не только еретики-неоплатоники, но и святые отцы-каппадокийцы Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Нисский. Их благочестию не мешала платоновская образованность. Но вот не стало академии и среди иерархов церкви не нашлось образованных людей, которые смогли бы аргументированно предотвратить идиотизм императоров-иконоборцев. Помните, дети мои, что благочестивый идиотизм оставляет после себя пустыню... Посмотрите на эту красоту, - старик указал на статуи эллинских богов, окружавших площадку на вершине холма, - она обречена. Ее уничтожат османы, потому что их вера запрещает изображать кого-либо. Турки и есть истинные наследники наших благочестивых невежд, поэтому они и станут правителями нашей империи. Поэтому уходите в те страны, где ценят красоту и искусство, ибо только там может развиваться душа человеческая... А статуи закопайте в землю перед тем, как покинете Пелопонес. Кто знает, может здесь еще возродится когда-нибудь Эллада... Это все, что я хотел вам сказать. А теперь, дети мои, наполните ваши чаши вином, возложите на ваши головы венки из роз, пусть играет музыка, пусть прекрасные женщины покажут нам свои тела в танце, а мы восславим мудрость и искусство наших великих предков на этом последнем симпосоне.

Зазвучала музыка, несколько молодых женщин, сбросив с себя хитоны, закружились в танце. Все собравшиеся подняли чаши с вином, возглашая здравицы в честь Плифона. Он благодарно кивал им головой, улыбался тихой улыбкой и выглядел вполне счастливым. Фома возлежал на своем ложе, пил вино, с удовольствием смотрел на танцующих женщин и почти забыл о том, что это «пир во время чумы». Он хмелел и улыбался своим мыслям, которые были все более бессвязны, но все более приятны. Вдруг он почувствовал, что кто-то снимает с его головы шапочку. Он машинально схватил ее рукой, но обнаружил на ее месте венки из роз, а рядом с собой на ложе молодую женщину с роскошной копной вьющихся каштановых волос. Женщина улыбаясь смотрела на него:

- На симпосоне нет деспотов, здесь всех венчают одной и той же короной – короной любви.

Голос у нее был низкий, грудной и чуть хрипловатый. Фоме ее лицо показалось знакомым, но он никак не мог вспомнить, где он ее видел. Женщина была красива, и Фоме захотелось сказать ей об этом:

- Может быть ты сама богиня любви, если венчаешь меня этой короной?

Она усмехнулась:

- Иногда бываю и богиней любви, но не надолго.

- Почему не надолго? – удивленно спросил Фома.

- Потому что надолго мужчин не хватает.

- Ну это смотря какой мужчина! – с пьяной хвастливостью возразил Фома.

Она опять усмехнулась:

- Ну уж о том, какие бывают мужчины, я знаю все.

- Ты... гетера?

- Да, пожалуй, гетера, потому что последнее время я живу с философом. Тут Фома наконец узнал ее – это же Леда! Он вспомнил ее запах и изгиб бедра, когда она проходила мимо него к двери в доме Плифона:

- Леда? Тебя зовут Леда?

- Да, игемон, меня зовут Леда.

- Пожалуйста не называй меня игемоном – мы же на симпосьоне. Зови меня просто Фома.

- Фо-ма, - произнесла она по слогам, запустила ему руку в волосы и приблизила свое лицо к его лицу, - Ты хотел мне сообщить что-то новое о мужчинах? Пойдем со мной в овраг к ручью, может быть там ты сам узнаешь что-нибудь новое о женщинах.

Она вскочила с его ложа и в легком полутанце исчезла из освещенного факелами пространства в темноту ночи. Фома оглянулся на ложе Плифона. Старик улыбаясь смотрел на танцующих женщин и не обращал внимания на Фому. Тогда Фома поднялся и пошатываясь пошел вниз по склону холма, натываясь на ветки кустарников, которые царапали его лицо и руки...

Он вернулся домой только под утро в помятом венке из роз. Свою шапочку он где-то потерял. Жена не впустила его в спальню и он лег в своем кабинете. Там его разбудил Михаил и сообщил, что Плифон этим утром умер.

Глава третья: Рим, апрель 1472 года.

1

папа Сикст IV

Папа Сикст Четвертый стоял у окна и думал. Вообще-то это он думал, что он думал, но на самом деле думать папа Сикст не умел. На самом деле он был не очень умным человеком, но соображал быстро. И обладал отменной памятью: он помнил, кто, что и когда сказал и без зазрения совести пользовался чужими мыслями. Причем он всегда высказывал чужую мысль в присутствии автора этой мысли и внимательно наблюдал,

помнит ли автор о своем авторстве. Умные авторы не помнили своего авторства и вслух восхищались умом папы Сикста. Глупые авторы как-то сами собой постепенно исчезали из окружения понтифика. Вот и сейчас один из очень умных авторов, кардинал Виссарион, молча переваривал то, что услышал от папы. А услышал он от него свою собственную мысль, которую настойчиво внушал папе еще пол-года назад. Это был проект выдать Зою Палеолог, дочку его покойного друга деспота Морей Фомы Палеолога, замуж за Московского великого князя Ивана Васильевича. Пол-года назад папа отреагировал на это как-то вяло и неопределенно. Виссарион уже решил, что его усилия и благосклонность папы Павла Второго к этому предприятию закончились ничем. Но вот сегодня папа вдруг вызвал его к себе и сообщил, что еще два месяца назад он послал письмо великому князю Московскому с предложением прислать своих бояр за невестой для князя.

Папа смотрел как дождик чертит на оконном стекле дрожащие неверные линии и думал при этом о Риме и о кардинале Виссарионе: «До чего тошнотворный город – малярийное болото и гнездо моих врагов. Если бы не моя природная лень, уехал бы жить во Флоренцию, как это сделал когда-то папа Евгений Четвертый. Но то был папа-аскет, и вообще он всех в кулаке держал. Это же он выгнал этого Виссариона из стана схизматиков и приблизил к себе. Очень неприятный человек этот Виссарион, а главное – он был кандидатом на папскую тиару и проиграл, а этого не забывают и не прощают. Поэтому нужно спровадить его подопечную Зою в Московию, а тогда и его самого можно будет без лишнего шума удалить из Рима, и желательно навсегда». Виссарион никак не реагировал на слова папы, поэтому молчание нарушил сам папа:

- Что Вы думаете об этом браке, почтенный Виссарион?

- Думаю, Ваше Святейшество, что это очень мудрое решение. Вы полагаете, что Московский князь может быть нашим союзником в войне с турками?

- После провала в Смирне очередного крестового похода, который готовили Вы, Ваше Преосвященство, нам больше не на кого рассчитывать в Европе. Остается попробовать склонить Московского князя к войне с турками. И сделать это должна Ваша воспитанница и верная дочь Католической церкви, я надеюсь... - папа сделал паузу и выразительно посмотрел на Виссариона, - Для этого мы и затеваем этот брак и выделяем деньги на приданное для невесты и на ее дорогу в Московию. Всего шесть тысяч дукатов. Причем деньги эти возьмем из казны для крестовых походов, которой заведуете Вы, почтенный Виссарион.

Он снова выразительно посмотрел на Виссариона. Тот в ответ молча слегка поклонился. Папа скривил безгубый рот в усмешке и добавил:

- Надеюсь, Ваше Преосвященство, этот «крестовый поход» на Московского князя Вы не сумеете провалить. У Вас есть два-три месяца времени, чтобы подготовить Вашу воспитанницу к выполнению возложенной на нее миссии.

Виссарион опустил глаза, чтобы папа не прочитал в них лютой ненависти к этому рыхлому «мучному червю», порочному сластолюбцу и чревоугоднику. Он быстро совладал собой и спокойно спросил:

- Миссия Зои Палеолог будет заключаться только в этом?

- Не только в этом, Вы очень проникательны. Союз в войне с турками это только явная сторона ее миссии, тайная же ее сторона – склонить Московского князя к возобновлению Унии со Святым Престолом, которую русские подписали на Флорентийском Соборе. Это ведь Вы, почтенный Виссарион, были автором этой Унии?

- Да, Ваше Святейшество, я готовил текст Унии.

- Судя по ее последующему провалу, это правда, - рот папы снова скривился в брезгливой усмешке.

«Сволочь, грязный педофил», - подумал почтенный Виссарион, а вслух произнес:

- Позвольте мне, Ваше Святейшество, после отбытия Зои в Московию удалиться из Рима на покой в Равенну.

Папа вспеснул руками и притворно опечалился лицом:

- Ах, Ваше Преосвященство, Вы не представляете, как мне будет Вас не хватать! Но я не смею Вас удерживать в Риме – я понимаю, что такое старость и старческая немощь. «Плюнуть бы ему в рожу», - мечтательно подумал Виссарион и склонился к перстню рыбака на руке папы, протянутой ему на прощание.

Виссарион вышел из папского дворца в стылую апрельскую изморось и с удовольствием вдохнул воздух, который выдохнула из себя земля, беременная весной. Он шел не спеша на виллу, где жила его подопечная со своей маленькой свитой, и думал о предстоящем разговоре с ней. «Ну что ж, все решено и это хорошо. Зое пора замуж, и Московский князь это хорошая партия для нее. А мне пора на покой – мне почти семьдесят лет, меня уже заждались Платон, Плотин и Плифон где-то на полях асфodelий. Подумать только – тридцать лет я мотался по всей Европе в попытках организовать крестовый поход против турок. Уговаривал, шантажировал, подкупал европейских монархов. А что в итоге? Несколько вылазок периферийных государей скорее похожих на разбойничьи набеги, чем на крестовые походы. Турецкий султан отмахивался от них как от назойливых мух. И только три года назад я понял наконец, что мне никогда не собрать поход на турок, потому что европейским королям Константинополь безразличен! Они уже сходили в свой крестовый поход на Константинополь тогда, в 1204 году, и взяли там все, что им было нужно. Они наполнили свои сундуки ромейским золотом и с тех пор занимаются только тем, что рвут куски этой добычи друг у друга из рук, – в этом и состоит содержание современной европейской политики. Зачем тому же французскому королю отнимать Константинополь у султана, когда ему хочется отнять Неаполь у германского императора. И ради этого он пойдет и на союз с тем же султаном. Так европейские государи де факто включают Османскую империю в европейскую политику. Поэтому даже если бы меня избрали папой, я не смог бы заставить их идти в крестовый поход на турок. Нет, с турками они станут воевать только когда те осадят Вену или Прагу, да и то еще не факт, что в это же самое время французский король не попытается отнять у императора Бургундию и Лотарингию. Нет, с империей османов может воевать только империя, для которой крест на Святой Софии не пустой звук. А для москвитов это не пустой звук. Нужно только заставить их поверить, что они империя. Вот это и должна сделать Зоя в Москве... Зоя, моя Софьюшка. А ведь я без нее умру», - вдруг до него дошла эта простая и уже сразу неоспоримая мысль, - «ведь я жил ею все эти годы после смерти Фомы. Легкая, веселая, умная девочка, все схватывает на лету, какая радость с ней беседовать. Ее чувственный рот и умные глаза создают такой контраст, что мужчины в ее присутствии теряются и становятся ручными. А она, плутовка, это знает, и с детства пользуется этим своим оружием. И как же это приятно глупеть в ее присутствии и не сопротивляться своей глупости. Да, она сможет стать агентом влияния на Московского князя. Только не твоим агентом, Ваше Содомитское Святейшество, а нашим – моим, Фомы, Плифона и всей славной эллинской истории. Нужно только грамотно с ней поговорить, на этот раз не глупея во время разговора».

Виссарион вышел из задумчивости и обнаружил себя стоящим под дождем у входа на виллу деспины Мореи. Его сутана напиталась влагой и отяжелела, со шляпы стекали струйки воды, лицо было мокрым, как будто он долго и горько плакал.

Виссарион Никейский

Зоя сидела у окна, читала книгу и грызла яблоко. Виссарион вошел в ее комнату, отряхивая воду со своей шляпы и бороды. Она улыбнулась, бросила книжку на стол и вскочила ему навстречу:

- Калимера, дедушка Виссарион!

- Калимера, Софьюшка! – старик звал ее «Софией», говоря, что если он фило-Соф, то она должна быть Софией.

- Ты совсем промок, садись к огню погрейся. Я прикажу подать горячего вина с корицей.

- Спасибо, Софьюшка, не надо вина. Я так согреюсь.

- Что-нибудь случилось? Какие новости из папского дворца?

Виссарион сел в кресло у камина, с удовольствием протянув руки к огню. Потом повернул голову к Зое и вывалил на нее новость:

- Все решилось – папа выдает тебя за Московского великого князя Ивана Васильевича. Месяца через три за тобой приедут послы великого князя.

Зоя села там, где стояла, и слезы брызнули из ее глаз двумя ручьями. Она закрыла лицо руками и зарыдала в голос. Виссарион молча смотрел на огонь и ждал. И дождался – она перестала плакать, вытерла слезы ладонями и зло выкрикнула:

- Решили избавиться от меня? Выкинуть в снега, где люди ходят в шкурах и спят с медведями? Что, во всей Европе не нашлось жениха для ромейской принцессы? А как же король Кипра, тоже отказался?

Виссарион вздохнул:

- Отказался. Ему нужны пушки и корабли против османов, а не слава ромейской империи. И его можно понять: без пушек ты долго на пробудешь королевой Кипра - не успеешь оглянуться, как очутишься в гареме турецкого султана.

Старик помолчал. Зоя всхлипывала. Он погладил ее по руке, она обхватила его ладонь своими и прижала ее к щеке:

- Дедушка Виссарион, мне страшно. Что со мной будет?

- Не бойся, все не так плохо, как тебе кажется. А может быть даже еще лучше. Давай разбираться с этой ситуацией как взрослые люди – тебе ведь уже семнадцать лет, пора своей головой думать. А ты это делать умеешь, я знаю, - и он провел ладонью по ее

волосам. Зоя достала платок, высморкалась и покрасневшими глазами уставилась на своего наставника.

- Во-первых, ты здесь в Риме не ромейская принцесса, а приживалка у папы, которая живет только его милостью. Поэтому только папа определяет твою судьбу, и его решения не обсуждаются. Это ясно?

- Да, дедушка Виссарион, ясно. А во-вторых?

- А во-вторых, ты ромейская принцесса, а не жалкая приживалка папы римского. Брови Зои удивленно взметнулись вверх:

- Что это означает, дедушка Виссарион?

- А это означает, что у папы своя игра, а у тебя – своя. Я поясню тебе твоё положение на примере вот этой забавной фигурки, - и он достал из кармана уже потемневшую от времени матрешку, которую когда-то во Флоренции подарил ему Плифон.

- Ой!, - не удержалась от удивления Зоя, - а у меня тоже такая есть!

- Откуда? – удивился Виссарион.

- От папеньки – он подарил мне её незадолго до своей кончины. Я любила играть с ней в дочку-матери. У неё ведь внутри сидит её дочка, а у той внутри её внучка.

- Да, дочка и внучка, - задумчиво произнес Виссарион, - А знаешь ли ты, что это самый точный образ шпиона, потому что женщина по природе своей шпионка.

Зоя непонимающе посмотрела на старика:

- Как шпионка?

- Так, шпионка – она шпионка в мире мужчин, и шпионит в нём в интересах своих детей и внуков. Она – агент влияния своих потомков. По-житейски мы называем это влияние любовью. Женщина завлекает мужчину в свои сети – а ты, проказница, знаешь как это делать, - тут Зоя смутилась, покраснела и опустила глаза, - мужчина влюбляется в женщину и думает, что приобрел любовницу, а на самом деле он приобрел её детей и с радостью взвалил на себя заботу об их будущем. Разве не так?

Зоя чуть качнула головой:

- Может быть и так, но только у тебя это звучит несколько цинично.

- А это потому что правда, а правда всегда немного цинична, дитя мое. Так вот, используя образ этой матрешки, можно сказать, что папа хочет, чтобы взяв в жены тебя, Московский князь на самом деле приобрел его – папу.

- Папа хочет, чтобы я склонила князя к унии с католической церковью?

- Именно так! Это главное, для чего затевается этот брак. Но есть ещё и вторая цель – подтолкнуть Московского князя к войне с турками. И вот в этом интересы папы и интересы ромейской принцессы совпадают.

- Почему?

- Потому что твой отец умер на чужбине, мечтая увидеть свою родину. Потому что я умру на чужбине. Потому что ты наследница ромейских василевсов и дети твои будут иметь право на трон Константина Великого!

- Ты хочешь, чтобы я была шпионкой ромейской империи?

- Именно так – шпионкой несуществующей империи! Ты жена великого князя Московского, он – голова, он все решает, но ты – шея, куда шея повернет, туда голова и смотрит. Повернись в сторону Константинополя. Напомни князю о славных походах его предков, о князе Ольгерде, который пятьсот лет назад на ладьях спустился по Борисфену до Понта и осадил Контсантинополь так, что император Лев Шестой вынужден был платить русам дань. Разбуди его воображение, пусть он возжелает Константинова трона!

- Насколько я знаю, москвиты ещё платят дань татарам...

- ... вот и помогай князю освободиться от этой зависимости. За тобой в Москву потянутся итальянские мастера, повлияй на князя, чтобы он их хорошо принимал,

чтобы они наладили в Москве производство пушек и пороха. Все это пригодится и для победы над татарами, и для похода на турецкого султана.

- А как же задание папы?

- А про него забудь – как только ступишь на русскую землю, выкинь его из головы, как будто его никогда и не было. Вот, - Виссарион показал ей матрешку, - ты только снаружи служишь католическому понтифику, а внутри, - он открыл матрешку и показал ей внутреннюю фигурку, - внутри ты православная ромейская принцесса!

- А что еще дальше внутри? – вопросительно улыбнулась Зоя. Виссарион с одобрением взглянул на нее:

- Умница моя. Главное как раз то, что дальше внутри! – он открыл внутреннюю матрешку и вынул из нее самую маленькую, - внутри буду я, и твой отец, и наш учитель Плифон, а дальше все, кто мыслил и говорил по-гречески: Сократ, Платон, Аристотель, Зенон, Геродот и, конечно, великий Гомер. Помни, что все это ты несешь в самой своей сердцевине, в самой своей потаенной глубине, и что это и есть твоя суть, твое я.

- Но ты же сказал, что я православная принцесса?

- Безусловно! Но одно другому не мешает, как не мешало умным василевсам ставить статуи эллинских богов работы Фидия и Праксителя в садах и на площадях Константинополя. Это не было язычеством, как утверждали глупые василевсы, - это было поклонением красоте и прославлением великого искусства. Мой учитель Плифон, этот последний Платон Эллады, говорил, что настанет время, когда в православных храмах рядом с иконами христианских святых и мучеников будут изображения эллинских философов и поэтов. Так может быть эти времена настанут в Москве твоими трудами?

- Дикий север и эллинские философы? Возможно ли такое?

- А Рим не дикое место? Когда я тут появился впервые, здесь невозможно было найти человека, с которым можно было бы поговорить о чем-нибудь кроме животных утех. Пьянство, обжорство, разврат – вот вся жизнь папского двора. И что же: я отыскивал и собирал умных людей, создал свою Платоновскую академию, в которой созревали новые умы. И теперь здесь есть, с кем поговорить о философии и поэзии: Поджо Браччолини, Джованни Ауриспа, Лоренцо Валла, Флавио Бьондо – все они вышли из моей школы. Так что не место красит человека, а человек место. Потрудишься и ты в Москве, собери вокруг себя умных людей, возьми с собой библиотеку своего отца. Если чего не хватает в твоей библиотеке, возьми из моей. И с Богом!

Зоя долго внимательно смотрела на старика. Потом спросила:

- А ты, дедушка Виссарион? Что ты?

Виссарион опустил глаза, ответнулся к огню, пожал плечами:

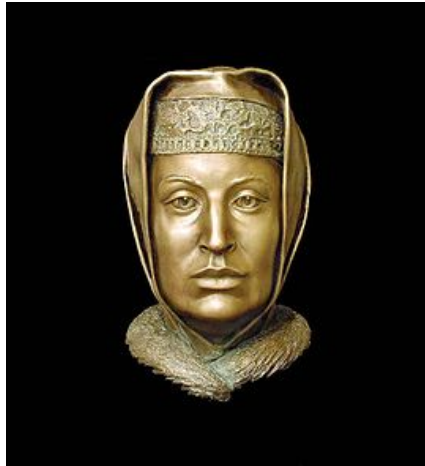
- А что я? Я очень стар, Софьюшка, мне пора на покой. Папа отпустил меня в Равенну. Я уеду из Рима вместе с твоим обозом.

Глаза Зои наполнились слезами. Она под села к старику на ручку кресла, обняла его за плечи и прижалась к нему. Он, не отрывая взгляда от огня, погладил ее по руке:

- Буду сидеть у моря и смотреть на волны, которые плескались у берегов моей Греции...

- Знаешь, а я совсем не помню Морею, для меня родина – это Корфу. Керкира – рай моего детства. На этом острове, где в объятьях божественной Кирки Одиссей забыл о своей Итаке, я забыла о своей Морее. На Корфу все казалось мне волшебным. Мы ходили с кормилицей к морю, а там скалы похожи на сказочных чудовищ. И мне казалось, что они вот-вот оживут и набросятся на меня. И чайки там кричат: «Корфу, Корфу»...

- Вот и я буду сидеть у моря, а чайки мне будут кричать: «Корфу, Корфу»...

Софья (Зоя) Палеолог

День выдался на славу! Солнце слепит глаза и греет совсем по-весеннему – вон с крыш капает и в талой воде брызгаются ошалелые воробьи. А другие с громким чириканьем дерутся за содержимое теплого конского навоза среди талого снега. Над сверкающими куполами храмов стоит неумолчный вороний грай, а еще выше сияет голубое мартовское небо. «Золото на голубом», - вспомнила Софья пояснения Дионисия о различии русской и греческой иконописи, - «Да, да, теперь вижу откуда это у русских художников». Софья вдохнула полной грудью сырой воздух, насыщенный резкими запахами, забытыми за долгую зиму, и невольно улыбнулась. Сегодня она чувствовала себя совсем хорошо – боль во чреве затаилась, слава тебе Господи, и не отвлекала от тех дел, которые нужно было сделать именно сегодня. Именно сегодня она обещала мастеру Дионисию, расписывавшему новопристроенную галерею Благовещенского собора, принести выписки из Платона и Сократа, которые тот должен был воспроизвести на свитках в руках изображаемых философов. У Сократа потомки прочтут: «Доброго мужа никакое зло не постигнет. Душа наша бессмертна. По смерти будет добрым награда, а злым — наказание». У Платона: «Должно надеяться, что Сам Бог ниспошлет небесного Учителя и Наставника людям». «Тут уж митрополиту Симону трудно будет что-либо возразить против языческих философов в христианском храме», - с затаенным торжеством подумала Софья.

Ее мысли прервали крики и ругань с сильным иноземным акцентом возле возводимых вокруг Архангельского собора строительных лесов. Она присмотрелась и узнала размахивающего руками в кучке строителей мастера Алевиза Фрязина, как его звали русские. Он тоже вовремя заметил приближающуюся великую княгиню и поспешил ей навстречу, на ходу срывая с себя бархатный малиновый берет и разкланиваясь среди унавоженной дороги:

- Будь здрава, государыня матушка Софья Фоминична!

Софья улыбнулась этой неуместной галантности и ответила ему по-итальянски:

- Что это Вы, мессере, сквернословите возле святых церквей? Грех это!

- О, Ваше величество, простите великодушно! Нет сил справиться с этими русскими работниками – они все хотят сделать как лучше, а мне не надо, как лучше, - мне надо, чтобы было как должно. Здесь я мастер и только я знаю, как должно быть!

- Ну, синьор Ламберти, чтобы что-нибудь сделать в этой стране нужно иметь большое терпение – воспитывайте его в себе, оно Вам еще очень пригодится. И не ругайтесь матерно, прошу Вас, не перенимайте этой стороны русской жизни. Поверте, у русских можно найти, чему поучиться.

Мастер Ламберти снова учтиво поклонился княгине и, невольно понизив голос, обратился к ней:

- Ваше величество, Вы совершенно правы! На днях я зашел в Благовещенский собор посмотреть, как идет роспись пристроенных мною галерей и что же я там увидел? Там изображены Аристотель, Вергилий, Гомер, Зенон, Платон, Плутарх, Сократ, Фукидид. Все, кого даже великий Данте поместил в аду, здесь изображены как христианские праведники! Я не мог себе даже вообразить, что здесь, за тридевять земель от культурных стран, среди медведей и варваров живут люди, почитающие эллинских мудрецов наравне с христианскими святыми! Как это возможно? – не понимаю!

- Это можно понять, мессере, если вспомнить, что русские исповедуют греческое христианство, а для греков эллинская философия – это их Ветхий завет. Для них и Сократ, и Платон, и Зенон – это предтечи Христа, а не языческие еретики, как для латинского христианства.

- О, Ваше величество, Вы это так великолено выразили, благодарю Вас! Когда я вернусь в Италию, я всюду буду рассказывать об этом философском благочестии русских! Он снова склонился в поклоне, еще раз махнув своим малиновым беретом у нее перед носом.

- Бог в помощь, мастер Алевиз, - уже по-русски попрощалась она с соотечественником и направилась к паперти Благовещенского собора. «Конечно он мужчина не самого большого ума, но чтобы разнести по всей Италии то, что я сказала, его болтливости хватит. И до папы эта новость дойдет обязательно». Софья снова улыбнулась с мстительным торжеством.

Возле паперти Благовещенского собора подмастерья Дионисия развели большой костер, углями из которого обогревалась галерея, в которой работал мастер. Они низко поклонились княгине, сорвав с себя скуфейки. Софья кивнула им и, перекрестившись, поднялась по ступеням в храм. В галерее было светло – яркие лучи солнца хорошо освещали фрески на стенах, но солнца было явно недостаточно, чтобы согреть это помещение. В углу на помосте работал сам мастер Дионисий. Прямо на помосте стоял большой глиняный горшок с углями, над которым он время от времени грел руки. Старый мастер был одет в меховую безрукавку поверх подрясника, меховую скуфейку и вязаный шарф. По нему было видно, что работать здесь холодно. Софья невольно зябко передернула плечами в своей собольей шубе. Мастер заметил Софью, медленно спустился к ней по приставленной лестнице и низко поклонился княгине:

- Будь здрава, матушка государыня!

- Твоими молитвами, отче Дионисий!

- Истино так, матушка! Беспреданно, денно и ночью молю Бога о твоём здравии!

- Когда ж ты работаешь, если бесперечь молишь Бога о моем здравии?

- А вот работаю и молюсь, - хитро сощурился мастер, - с молитвой-то и работать сподручней.

Софья улыбнулась ему. Она достала из муфты бумажный свиток и протянула его художнику:

- Вот, отче Дионисий, то, что ты просил, - речения Платона и Сократа для росписи.

Мастер с поклоном принял свиток, развернул его и прочитал, удовлетворенно кивая головой. Потом он опять хитро взглянул на Софью и заключил:

- Зело умно и благочестиво! Тут уж и владыке Симону нечего будет возразить.

- А что владыко возражал? Что ж он рекл?

- Нимало не рекл: походил, посмотрел, повздыхал сокрушенно, да и вышел вон.
- Ты, отец Дионисий, ни в какие пререкания не вступай. Если что, речешь де мол, сие есть воля великого князя Ивана Васильевича. Пуцдай поробует ему перечить.
Дионисий слегка усмехнулся в бороду и поклонился княгине. Та кивнула ему головой:
- Ты, отче Дионисий, работай, не внимай меня, я тут сама похожу да погляжу на твои росписи. Бог тебе в помощь!

И она пошла вдоль стен, разглядывая изображения древних философов и поэтов. Она читала их изречения на развернутых свитках, слегка шевеля губами, улыбалась и думала при этом: «Ну вот все и завершилось. Все совершилось так, как предвидел великий Плифон на своем последнем симпосьоне, и о чем рассказал мне старец Виссарион, услышав об этом от моего отца. И теперь православные люди молятся в храме, где вместе с иконами христианских святых есть изображения Сократа и Платона, Зенона и Аристотеля, Гомера и Вергилия, Фукидида и Плутарха. На этом моя миссия завершена – я больше не шпионка Платона внутри православной русской бабы, какой я себя чувствую и какой предстану перед Господом на Его Последнем Суде. Как это говорил дедушка Виссарион о словах Плифона: «у шпиона чужие убеждения, если они достаточно долго высказываются от своего имени, обладают тем свойством, что он постепенно начинает разделять их и тогда его «внешняя матрешка» прирастает к телу его «Я». Софья нашупала в кармане шубы свою матрешку, состоящую только из двух фигурок, вложенных одна в другую, и вспомнила, как она избавилась от третьей, внешней фигурки. С тех пор минуло уж тридцать лет...

2

... Дорога от Колывани до Пскова была мучительна. Уж как ее измотало одиннадцатидневное плавание по бурному Варяжскому морю, но эти бесконечные заснеженные равнины казались воплотившимся концом света. День сменяла ночь, а ее - новый день, но возок ромейской принцессы казалось стоял на одном и том же месте. Наконец к вечеру пятого дня свадебный обоз прибыл в сельцо, от которого до Пскова было рукой подать. Решили здесь заночевать, чтобы утром торжественно въехать в город. Зоя в ту ночь почти не спала, представляя себе картину того, как ее будет встречать этот первый в ее жизни русский город. Но то, что ее в действительности ожидало на следующий день, она, конечно, не могла себе и вообразить.

Поднялись рано, как только рассвело, наскоро перекусили и длинной вереницей возов и возков двинулись на север, к городу. Еще не видя его башен и куполов, уже слышали благовест десятков Псковских церквей. Этот колокольный перезвон наполнил сердце Зои какой-то детской радостью. А когда показался сам город с пузатыми каменными башнями и сияющими на солнце куполами церквей на душе у нее стало совсем легко. У Великих ворот стояла толпа горожан, вышедших приветствовать невесту великого князя. Впереди выделялся посадник в богатой собольей шубе в окружении местных нобилей. Зоя вышла из своего возка и уже собиралась принимать приветствия посадника, но в это время среди горожан раздались крики и шум. Толпа заметила папского легата Антония Бонумбре с латинским крестом в руках, который тоже вышел из своего возка и направился к посаднику, высоко подняв крест над головой.

- Латиняне!

- Православные, гляди - латинский крыж в наш город несут!

- Не допустим!

- Бей басурман!

В одно мгновение как по мановению волшебства толпа ощерилась палками и кольями и с каким-то утробным рыком двинулась на приезжих, отодвинув в сторону побледневшего посадника, который что-то пытался возражать, размахивая руками. У Зои похолодели руки, она уже видела горящие злобой глаза и чувствовала на себе отвратительное дыхание этого многоголового зверя. Легат, тоже бледный, непонимающе вертел головой, вцепившись намертво в свой крест, видимо готовясь драться им как дубиной. Зоя читала про себя «Отче наш» и судорожно дышала морозным воздухом. Ее немногочисленная охрана образовала вокруг нее цепь и оголила сабли.

И вдруг толпа стихла. Как будто легкий ветерок прошелестел по ней:

- Фома, юродивый Фома идет!

Люди расступились как Чермное море перед Моисеем и в образовавшемся проходе показался странный человек. Он был бос, грязен, нечесан и почти наг, но казалось не чувствовал холода. Сквозь дыры его рубища виднелся тяжелый железный крест на толстой цепи. Человек не обращал внимания на толпу и молча не отрываясь смотрел в глаза Зои. Зоя прямо окаменела под этим немигающим взглядом. Фома усмехнулся и направился к ней. Ее стража расступилась перед ним так же безмолвно как и толпа минуту назад. Юродивый подошел к ней вплотную. Она почувствовала тяжелый запах немытого тела и ей стало дурно, но она напрягла все свои силы, чтобы сохранить сознание. Юродивый снова усмехнулся и тихо произнес:

- Не может явление иметь несколько сущностей - избыточность порочна и приводит к духовному опустошению. Откажись от внешнего, Софья, и оставь его вместе с его именем.

- Откуда ты знаешь мое имя?

- Как же его не знать, когда оно у каждого крещеного человека на лбу написано?

- Ты кто?

- Хуй в пальто! Аз есмь юродивый, иже избра себе житие буйственное и от человек униженное. А ты еси Софья – жена зело премудрая, но перед мужем своим премудрость свою ты оставишь, дабы в чреве своем не брадатого мудреца таить а наследников великого князя плодить.

С этими словами он повернулся и пошел обратно к народу Псковскому. В толпе послышалось: «Ну что, Фома? Что скажешь?» . Фома обвел их всех взглядом и громко сказал:

- Дураки вы все! Она не латинянка, а православная и имя ей Софья!

Вздых облегчения прошел по толпе. Раздались радостные возгласы: «Православная!», «Софья!», «Божий человек сказал!». Палки и колья мгновенно исчезли, как иголки у развернувшегося ежа. Толпа отпрянула в стороны, посадник снова ощутил свою значительность и выступил вперед вместе со знатными людьми города Пскова. Папский легат быстро все понял и вместе с католическим крестом спрятался в своем возке. Посадник от имени граждан вольного города Пскова приветствовал Царьградскую принцессу и торжественно ввел ее в ворота города.

А через час, стоя в тесноте Троицкого собора, где от дыхания толпы и облаков ладана стоял туман и потрескивали свечи возле святых икон, Зоя вдруг поняла, что сказал ей юродивый: она больше не Зоя и не шпионка папы римского. Эта страница ее жизни прочитана и перевернута. Навсегда. Теперь она Софья, православная принцесса, деспина Мореи. Она нащупала в кармане свой талисман – матрешку отца, вынула ее и незаметно открыла внешнюю фигурку. Потом положила ее и оставшуюся матрешку в разные карманы. На следующий день, когда обоз принцессы Софьи выехал из ворот Пскова, она приоткрыла дверцу своего возка и выбросила полую фигурку в снег. Так шпионка папы Зоя навсегда осталась в Псковских снегах. А в Москву приехала шпионка Платона Софья. Долгие годы ею руководил этот «брадатый мудрец», как назвал его юродивый Фома, и вот сейчас она кажется наконец рассталась и с ним. «Дионисий перенес его на стену храма, а я осталась тем, кто я есть и кем предстану перед Господом, – женой великого князя Московского, нарожавшей ему за эти годы двенадцать детей по пророчеству Божьего человека».

Софья вспомнила как она в последний раз решила говорить с супругом как посланница «бородатых мудрецов» Платона-Плифона-Виссариона...

3

Иван III Васильевич

...Случилось это прошлым летом, когда русское войско под командованием ее сына Дмитрия осадил Смоленск. Иван Васильевич в тот день пировал по этому поводу в своем ближнем круге князей и бояр. Пришел он вечером в спальню хмельной и веселый и начал домогаться близости с нею. Софья терпеливо и ласково отстраняла его, напоминая о возрасте. Супруг шутил и продолжал ее обнимать:

- Какой у тебя возраст, княгинюшка? Известное дело: «в сорок пять баба ягодка опять»

- Да ведь мне, Иван Васильевич, уже и не сорок пять, - пыталась возражать Софья.

- Ну так что с того – а мне уж и не шестьдесят, а я вон еще совсем молодец.

- Ты еси муж, Иван Васильевич, а я есмь баба. А бабий век короток. Вон погляди, мой сын уж войском командует.

- Да, - великой князь мечтательно закатил глаза и наконец отпустил супругу, - если Дмитрий сдюжит Смоленск взять, то Россия укрепитя на Днестре, а там, Бог даст, по Днестру и до Киева дойдем...

Тут видно дернул Софью ее «бородатый мудрец» и она подхватила мужа на полуслове:

- ... и до Царьграда дойдем.

С великого князя враз хмель сошел. Он сверкнул очами и взглянул на нее так, что иная баба и чувств бы лишилась. За этот взгляд и прозывали Ивана Васильевича «Грозным»:

- Ты, Софья, яко бы умная баба еси, а языком мелешь аки помелом, без понятия и смысла. Какой Царьград? Кто до него дойдет, на чем?

- Войско твое дойдет, на кораблях по Днестру и по Русскому морю к самым стенам Константинова града!

Взгляд великого князя потух, он тяжело вздохнул и сел на кровати, опустив руки на колени:

- Это все праздные мечтания твоего старца Виссариона, да моего старца Вассиана. Надули тебе в уши, а ты уж и войско собираешь. Ты подумай головой своей, какое войско нужно собрать, чтобы турецкого султана идти воевати. Тут Смоленск взять еле-еле людей наскребли. И где столько кораблей взять. А на какие шиши все это совершить? Ты знаешь, что мне ратным людям платить нечем? Я вот думаю у монастырей земли отобрать, да ратным людям раздать в кормление. Я готов с митрополитом схлестнуться из-за этого, поелику выхода не имам. А ты речешь: «Царьгра-ад». Где есть Царьград, а где есмы мы? Подумай, София-Премудрость.

- Денег на войну с султаном папа римский даст, я это доподлинно ведаю – у него отдельная казна для крестовых походов имеется, я в Москву на деньги из этой казны ехала.

- Ну, за то, что папа тебя в крестовый поход на меня послал, я не в претензии, - усмехнулся великой князь, привлекая к себе Софью и целуя ее в шею, - А вот, что денег на войну с турками он даст только в обмен на унию с латинской церковью, этому мы хорошо учены, еще при батюшке моем Василии Васильевиче. Стоило ли такими трудами татарское ярмо с себя скидывать, чтоб вместо него латинское ярмо надеть? Нет, на это я никогда не пойду. Я и от королевской короны из рук Германского кесаря отказался, чтобы в это ярмо не попасть. Хватит нами командовать, сами с усами!

- Что, Москва – третий Рим, как старец Вассиан рекл?

- А что, очень даже полезная мысль – вот и возьми ее на вооружение. Зачем тебе Царьград воевать, обустроивай новый Царьград здесь. Что тебе для того потребно?

- Перво наперво потребно для того людей в книжной грамоте изрядных, в греческой и в латинской. Чтобы могли читать и Платона, и Вергилия, и в геометрии Евклидовой знающих, дабы умели мысль свою доказать в споре. Для того нужна академия Платонова, зря что ль я батюшкину библиотеку в Москву привезла?

Иван Васильевич с улыбкой задумчиво смотрел на разгорячившуюся супругу. Потом вздохнул и сказал:

- А что, мысль дельная. Мне грамотные люди самому зело потребны – вон какие деньги я плачу фряжским мастерам, потому как своих не имам. Вот и организуй свою Платонову академию. Обратись с этим к Федору Курицыну, он у нас известный книгочей и еретик – мне о нем митрополит все уши прожужжал; пуцай он при своем посольском приказе и организует такую академию. Пусть среди своих подьячих отберет людей к учению способных, а ты уж учи их и по Платону, и по Евклиду, и по Вергилию.

Главное, чтобы они по-гречески и по-латыни глаголить могли, как ты сама. Дело сие весьма полезное, поелику хочу я русские посольства посылать и в Царьград, и к Германскому кесарю.

Софья прямо просияла от радости, обняла мужа и поцеловала его в уста. Он усмехнулся, отвечая на ее поцелуй:

- Вот так никогда у этих баб не занешь, где найдешь а где потеряешь.

Но тут Софье пришла в голову новая мысль и она отпрянула от мужа:

- А что как митрополит Симон такое учение еретическим объявит?

- А пушай объявляет, - махнул рукой великий князь, - сие есть моя воля, пушай попробует мне перечить. Он ведь понимает, что я могу в митрополиты старца Нила Сорского привести, а тот мне сам все монастырские земли отдаст. Так что не страшись, не будет он тебе, Софьюшка, докучать.

Софья снова просияла и уже не прерывала мужнины ласки лишними вопросами.

Тем же летом стараниями думного дьяка Федора Васильевича Курицына в его посольском приказе начал собираться кружок охочих до философского чтения служилых людей. Софья приходила на эти собрания, давала им читать труды Платона, Аристотеля, Зенона из своей библиотеки, говорила с ними по-гречески и по-латыни о прочитанном. Сам Федор Васильевич увлекся трудами Плифона и даже написал трактат «О самовластии души человеческой», чем окончательно подтвердил свою репутацию главного еретика на Москве. И только болезнь Софьи, скрутившая ее этой зимой, прервала ее участие в работе Курицынского кружка.

4

Софья постояла еще немного в галерее, глядя на неспешную работу Дионисия и машинально поглаживая в кармане отполированную ее руками фигурку матрешки. Потом она молча, не прощаясь, вышла на паперть собора. Сощурившись, улыбнулась солнцу и капели. Мимо нее промелькнула ворона, явственно крикнущая: «Корфу!» Софья снова улыбнулась и проследила глазами ее полет, пока взгляд ее не уперся в ослепительную улыбку чернобородого купца в клюквенном кафтане и такой же шапке, который балагурил с несколькими бабами-молодками, окружившими его лоток с товаром. Бабы поминутно смеялись, слушая то, что он им говорил. Сама не зная почему, Софья, спустившись по ступеням паперти, направилась к торговцу. Подойдя поближе,

она внимательнее рассмотрела его. Это был молодой мужик, горбоносый, смуглый, белозубый с большой золотой серьгой в ухе. «Так должен выглядеть разбойник, а не уличный торговец», - подумала Софья. На лотке у него стояло несколько матрешек – родных сестер ее талисмана.

Завидев приближающуюся княгиню, бабы разом низко поклонились ей. «Разбойник» тоже сорвал с себя шапку и поклонился, тряхнув черными кудрями:

- Буди здрава, матушка государыня! Купи матрешку детишкам на радость!

- Мои детишки ныне уж в другие игры играют.

- Ну так для внучат купи. А то и для дочери или для невестки – матрешки плодovitости спешествуют и роды облегчают.

- Это откуда ж такое ведомо?

- А от деда моего ведаю. Дед мой матрешками торговал аж в самой Италии, в городе Флоренце...

- ... Врешь! Не может быть, - опешила Софья.

- Вот те крест, матушка государыня, - «разбойник» истово перекрестился на купол храма, - мне дед сказывал, что там бабы ихние оченна их покупали для плодovitости.

- А откуда твой дед взялся во Флоренции?

- А как наши послы ездили в Италию с латинянами союз заключать, это еще при батюшке нашего князя, при князе Василии Темном было, ну так и мой дед, как он был человеком дьяка великокняжеского, тоже два года в этом Флоренце жительствовавал. Там он и начал матрешек резать, да бабам продавать.

- И что ж, помогали матрешки тамошним бабам?

- Дед говорил, что оченно даже помогали. Говорил, что даже отбою от баб не было.

«Да уж, - Софья с удовольствием взглянула в лукавые глаза матрешечника, - если твой дед был такой же приманчивый да повадный, то бабы на него вешались, это уж наверное»

- Да что бабы, дед говорил, что у него и важные латинские попы да епископы матрешек покупали. Говорил, что сам папа римский одну купил – не сам, конечно, холопа прислал. Я-то сам сумлеваюсь насчет папы, потому как к чему ему матрешка, но дед божился, что так оно и было.

- Так оно и было, не сомневайся. Вот тебе поклон от твоего деда из города Флоренции. Софья вынула из кармана и постаивла на лоток продавца свою матрешку. Тот взял ее в руки, выпучил глаза и залопотал:

- Да как же это, матушка государыня, да Господи, да откуда ж это? Вот чудо чудное, да ведь это точно дедова работа! Как же она к тебе попала, матушка государыня?

- А это мой батюшка у твоего деда купил в той самой Флоренции.

- Чудны дела твои Господи, - перекрестился матрешечник, - и не жаль тебе с такой памятной вещицей разлучаться?

- Всему свое время. В Священном Писании сказано: «Всему свое время - время сберегать, и время бросать». Вот теперь как раз и пришло такое время. Забирай на память.

- Храни тебя Христос за твою доброту, матушка государыня, Софья Фоминишна! – крестился и кланялся ей уже вдогонку белозубый «разбойник».

Но Софья уже не слышала его, погруженная в свои мысли: «Прав мудрец Екклесиаст – все возвращается на круги своя. Обязательно приходит такое время, когда события наполняются собственным смыслом как снег насыщается талой водой. И разные события, казалось бы не связанные между собой, вдруг обретают общий смысл и становится понятным замысел их Творца. Вот и сейчас здесь, в Москве, неожиданно нашла свое окончание история Плифона – через его матрешку. А через историю Плифона обрел свой новый смысл и сам Платон, вдруг очутившийся на фреске в

Благовещенском соборе. И даст Бог, будет этот Платон не последним на Русской земле: будут в этом соборе русские бабы молиться, да и нарожают еще и русских Платонов, и русских Сократов...»

Ее мысль снова прервала ворона, крикнувшая прямо над ухом «Корфу!». «Неспроста это она мне напоминает о моем детстве», - подумала Софья, и вдруг опять ощутила ноющую боль во чреве, и слабость волной прошла по всему телу. «Дал бы Господь дожить до Светлого Христова Воскресенья», - подумала она, обернулась и перекрестилась на купола Успенского собора перед тем, как войти в Красные ворота дворца.

Имение «Ясенева поляна», январь-апрель 2017